21
34

Русские Путешественники

О. А. БАЯН

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА - 1946

9073

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ПРОВЕРЕНО 51 г.

Проверено | 2015

О. А. БАЯН

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. Г. ФРАДКИНА

073

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА Г. Ш ВМС СССР

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1946

ПРОВЕРЕНО 1995 г.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два века назад гениальный сын великого русского народа М. В. Ломоносов писал:

«О вы, щастливые науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест
Пройдите землю и пучину,
И степи, и глубокий лес...
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно.
Чего еще не видел свет...»

Эти слова и ныне звучат так же ярко и волнующе, как они звучали когда-то для современников Ломоносова. Они напоминают нам о славных подвигах великих русских путешественников—исследователей труднодоступных неведомых стран. Русские путешественники открыли для науки суровые полярные моря Северного Ледовитого океана и знойные пустыни внутренней Азии. Они исследовали девственные непроходимые леса Уссурийского края и достигли вершин могучих хребтов Тянь-шаня. Своими экспедициями они охватили весь земной шар от Арктики до Антарктиды.

В XIX веке русскими исследователями была вписана одна из самых ярких страниц в многовековую историю географических открытий. Русские впервые открыли для науки неизведанные территории Центральной Азии.

Еще в середине прошлого столетия географы нередко называли Центральную Азию terra incognita (неизвестная земля). Сведения о Центральной Азии были почерпнуты преимущественно из старых китайских летописей и малодостоверных рассказов нескольких католических

миссионеров, которым удалось проникнуть во внутренние области Китая.

Немецкий географ К.Риттер тщательно собрал эти сведения в своей капитальной работе «Землеведение Азии». Основываясь на этих же скудных, отрывочных сведениях, картографы заполняли огромное белое пятно на географической карте фантастическими изображениями горных хребтов, рек и озер.

В книге знаменитого ученого Гумбольдта «Центральная Азия» впервые была сделана попытка установить определенные закономерности в орографическом строении внутренней части Азиатского материка.

Некоторые догадки Гумбольдта были замечательными по своей проницательности. И всё же представления о Центральной Азии этого величайшего географа своего времени были ещё далеки от действительности.

Новая эпоха в географическом изучении Средней и Центральной Азии началась вскоре после создания Географического общества в России.

В 1856—1857 годах член Русского Географического общества—молодой П. П. Семёнов—проник в горную область дотоле загадочного для науки Тянь-шаня.

За Семёновым последовали в Тянь-шань и другие исследователи. Начало научному изучению внутренней Азии было положено. Но только начало. Труднодоступные плоскогорья Тибета, необозримые пространства Гоби, могучие горные хребты Куэнь-луня ожидали ещё своих исследователей, которые скинут облекающий их таинственный покров.

Русские исследователи разрешили и эту, поистине грандиозную задачу.

В очерках О. А. Баян рассказывается о трех путешественниках, имена которых навсегда остались в памяти человечества—о первом исследователе Центральной Азии Н. М. Пржевальском и двух его учениках В. И. Роборовском и П. К. Козлове, ставших достойными преемниками своего великого учителя.

Н. Г. Фрадкин

Н. М. Пржевальский (1839—1888)

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

В морозное январское утро 1881 года в Петербурге на перроне Николаевского вокзала стояло множество народа. Ждали приезда Пржевальского. Здесь были члены Географического общества во главе с вице-председателем Семёновым-Тян-Шанским, ученые, академики, офицеры Генерального штаба, литераторы, журналисты... Имя Пржевальского не сходило с уст. Это имя, известное уже тогда всему миру, было гордостью России.

Что-то еще привезет Пржевальский из третьего путешествия? Какие новые лавры вплетет в свой венец?

Люди всматривались в туманную даль убегающих рельсов, прислушивались.

Далекий гудок. Нарастающий шум. Курьерский поезд с грохотом и шипением подкатил к перрону.

Толпа заволновалась. Все забегали, внимательно вглядываясь в окна вагонов.

—Здесь, здесь!—закричал кто-то, и встречающие бросились в одну сторону.

Из вагона в военной форме выходил Пржевальский,—высокий, широкоплечий богатырь. Крики «ура» и громкие аплодисменты потрясли морозный воздух. Голубые, обычно строгие глаза Пржевальского заискрились теплом. Пржевальский приподнял фуражку, открыв шевелюру черных волнистых волос. На смуглом лице показалась улыбка. Такой трогательной встречи он не ожидал.

Прошло уже четырнадцать лет с тех пор, как двадцативосьмилетний энтузиаст Пржевальский впервые обратился в Географическое общество с просьбой послать его в экспедицию в Центральную Азию. Руководители общества

его не знали, но П. П. Семёнов-Тян-Шанский, человек большого опыта, почувствовал, что из Пржевальского, «талантливого молодого человека, может выйти замечательный путешественник» [1]. Он дал Пржевальскому совет проявить себя исследованиями в Уссурийском крае и обещал, что если исследования будут удачными, то Географическое общество пошлет его тогда в Центральную Азию.

При отъезде Пржевальского в Сибирь Семёнов-Тян-Шанский снабдил его рекомендательными письмами и старался ободрить добрыми напутственными словами. Но одних слов недостаточно. Нужны были деньги, а их никто не давал. В Иркутске сибирское отделение Географического общества оказало некоторое содействие Пржевальскому, хотя многие приписывали уверенность Пржевальского в успехе своих будущих исследований «самонадеянности и хвастовству молодого человека» [2]. Но таким Пржевальский никогда не был. Он отличался скромностью и требовательностью к себе.

Пржевальский не получил специального естественно-исторического образования, но еще задолго до путешествия, обучаясь в Академии Генерального штаба, он занялся самостоятельно научной подготовкой, перечитал множество русских и иностранных книг по истории и естественным наукам. Французским, немецким, а впоследствии и английским языками он хорошо владел.

В 1866 году в Варшаве, будучи преподавателем географии и истории в юнкерском училище, Пржевальский прочел несколько публичных лекций по истории географических открытий. Лекции эти с интересом слушали и профессора. В Варшаве же он издал свой учебник по географии. Кроме географии Пржевальский изучал ботанику, зоологию и другие науки. Таким образом в путешествие по Уссурийскому краю шел не просто смелый человек, решившийся отправиться в неведомые дебри, а и учёный, исследователь.

Пржевальский первый из исследователей прошел Уссурийский край пешком. Он сделал более полуторы тысячи километров. Пройденный путь он нанес на карту, произвел метеорологические наблюдения и собрал богатейшие коллекции растений, животных и птиц, из которых многие виды до него не были известны науке.

Он написал книгу «Путешествие по Уссурийскому краю», которую издал на свои средства, равно как почти исключительно на свои средства провел и все двухлетнее путешествие.

Русское Географическое общество наградило Пржевальского малой серебряной медалью, и Семёнов-Тян-Шанский сдержал данное им слово: в 1870 году Пржевальский получил возможность отправиться в свою первую научную экспедицию по Центральной Азии.

В настоящее время эти два слова «научная экспедиция» вызывают представление о многочисленном составе участников —геологов, ботаников, зоологов и других специалистов. В экспедиции Пржевальского всех этих учёных заменял сам Пржевальский. С весьма малой суммой денег, полученной от Географического общества и Военного министерства, он отправился в путь вдвоем с Пыльцовым, бывшим своим учеником.

Пржевальский сознавал, что его путешествие связано с риском, но наука для него была дороже жизни.

«Если мне лично не суждено будет вернуться на родину, —писал Пржевальский,—тогда мой спутник может сохранить и доставить все бумаги и коллекции»[3].

В ноябре Пржевальский с Пыльцовым прибыли в русский пограничный город Кяхту. В этом маленьком городке на улицах уже встречались караваны верблюдов, слышалась незнакомая речь.

Отсюда в китайской телеге, запряженной верблюдом, Пржевальский и Пыльцов двинулись с караваном в далекий путь. Через пустынные пространства Гоби надо было пройти в Калган, чтобы оттуда направиться к Пекину.

Вплоть до самой Урги*, главного города Монголии, ещё ничто не предвещало близости пустыни.

Пологие скаты невысоких гор были одеты превосходными лугами, кое-где виднелись леса. Пржевальскому вспоминались знакомые картины природы лучших частей Забайкалья.

Но вот Урга осталась позади. Перед глазами путешественников открылась бескрайняя степь, убегающая

---

* Ныне Улан-Батор—столица Монгольской Народной Республики.

в синеющую даль горизонта. Ещё несколько дней, и караван вступил в пустынные степи Гоби.

Медленно шли дни путешествия. Однообразные равнины, отливающие жёлтым цветом высохшей травы, сменялись местами чернеющими грядами скал, пологими холмами, а потом опять тянулась беспредельная равнина. Кругом тишина. Однако пустынная степь не безжизненна. Бесчисленные грызуны-пищухи, маленькие зверьки величиной с обыкновенную крысу, изрыли почву сотнями нор. Вот показались вдали быстроногие дзерены (антилопы). Охота за этими чуткими, удивительно быстро бегающими животными нелегка. Но разве это могло остановить такого страстного охотника как Пржевальский?!

По пути через пустынную степь Пржевальскому по нескольку десятков раз в день встречались чайные караваны. Длинные вереницы верблюдов тащили в Кяхту ящики с китайским чаем, обёрнутые в толстые шерстяные попоны.

На пути к Калгану путешественники встретили первые трудности и лишения.

Тридцатиградусные декабрьские морозы, зимние леденящие ветры были первыми вестниками предстоящих испытаний, но главные трудности ждали впереди—в безводных песках Ала-шаня, в суровом нагорье далекого Тибета.

Спустившись у Великой китайской стены с высоты монгольского плато к китайскому городу Калгану, путешественники попали точно в другую страну. Здесь не было ни мороза, ни снега, погода стояла весенняя. Путешественники не верили глазам. Ведь всего только двадцать пять километров отделяли их от монгольских равнин, где стояли суровые сибирские морозы.

Отдохнув пять дней в Калгане, Пржевальский направился в Пекин*, откуда должна была начаться главная часть маршрута экспедиции. В Пекине Пржевальский снарядил караван—купил верблюдов, оружие, нанял двух казаков и, потратив почти все деньги, всего с четырьмястами шестьюдесятью рублями в кошельке двинулся в неведомые края.

---

* Ныне Бейпин

Прежде всего он пошел к озеру Далай-нор в юго-восточную часть Монголии. За два месяца экспедиция проделала свыше тысячи километров, главным образом по солончаковой степи с весьма «подлым», как говорил Пржевальский, климатом. «За всю весну не было ни одного тихого дня, и часто поднималась буря, которая вздымала целые тучи песку и мелкой соли, так что атмосфера принимала желтовато-серый цвет и в полдень было не светлее чем в сумерки...»[4].

В этой неприветливой стране даже в апреле стояли морозы. Но больше всего страдали здесь путешественники от недостатка пресной воды. Пржевальский с добродушным юмором рассказывал о «прелестях» озерной воды, которой приходилось пользоваться путешественникам: «Возьмите стакан чистой воды, положите туда чайную ложку грязи, щепотку соли, извести для цвета и гусиного помёта для запаха—вы как раз получите ту прелестную жидкость, которая наполняет здешние озера»[5].

Немного отдохнув в городе Калгане, путешественники направились на запад к великой желтой реке Китая—Хуан-хэ. Шли без проводника. Местные жители подозрительно относились к путешественникам. В членах экспедиции видели то миссионеров, то шпионов, называли «заморскими чертями» и часто нарочно указывали ложную дорогу. Иногда путешественникам приходилось плутать, делая десятки лишних километров.

В городе Баотоу на берегу Хуан-хэ сделали остановку. Население здесь почти не знало европейцев. Смотреть на путешественников собралась толпа зевак. От них не было спасения даже в помещении. Любопытные лезли в окна, в двери. Пржевальскому пришлось подарить местному китайскому мандарину часы и просить дать солдат для охраны. От этого «впрочем дело не улучшилось,—вспоминал Пржевальский,—так как солдаты, ставшие у ворот, стали пускать любопытных за деньги и устроили из нас нечто вроде зверинца»[6].

Переправившись через Хуан-хэ, экспедиция вступила в Ордос.

Ордос—страна, расположенная внутри огромного колена, которое образовано изгибами среднего течения реки Хуан-хэ. Эта пустынная территория, ограниченная с трех

сторон—запада, севера и востока—Желтой рекой, была почти ещё не затронута научными исследованиями. Ознакомившись с Ордосом, Пржевальский установил, что даже течение Хуан-хэ было неверно изображено на картах. Ещё одна переправа через Желтую реку, и перед путешественниками открылась бесплодная пустыня Ала-шаня. Кое-где виднелась бедная, корявая, едва поднимающаяся над землей растительность—«на многие десятки, даже сотни верст, одни голые сыпучие пески, всегда готовые задушить путника своим палящим жаром, или засыпать песчаным ураганом...»[7]. Даже птицы, перелетая эту страшную пустыню, нередко погибают, истомленные голодом и жаждой.

Пройдя около 200 км по северо-восточной окраине пустыни, Пржевальский достиг города Дынъюаньина, лежащего у Алашаньских гор. В горах Ала-шаня Пржевальский много охотился. Охота здесь трудна и опасна. Пржевальскому приходилось то лазать по крутым отвесным скалам над пропастями, цепко удерживаясь руками за каждый выступ, то лепиться по карнизам утесов, то перепрыгивать через широкие трещины. Из-под ног вырывались камни и с грохотом катились в ущелье. Нужна была большая ловкость, чтобы не свалиться и самому. Зверей было много—куку-яманы (вид горного барана), олени... Но попробуй-ка подберись к ним! Зачуяв опасность, звери прыгали по скалам и, гулко стуча копытами, скрывались, точно проваливаясь сквозь землю. По целым дням Пржевальский преследовал добычу. Его руки были исцарапаны в кровь, платье изорвано, сапоги изрезаны острыми камнями... Но один удачный выстрел, и охотник счастлив!

Пржевальский пробыл в горах две недели. Наступил уже октябрь 1871 года. Подходил конец первого года путешествия. Однако встречать эту знаменательную дату, продолжая путь вперед, путешественникам не пришлось. Несмотря на самую строгую бережливость Пржевальского, скудные деньги его кончались.

Оставался один выход—возвращаться в Пекин—доставать средства на продолжение путешествия. С большими трудностями и лишениями путешественники проделали обратный путь.

В Пекине денег на имя экспедиции еще получено не было и если бы не участие русского посланника А. Е. Влангали, Пржевальскому пришлось бы плохо. Влангали выдал Пржевальскому деньги из средств посольства, и это дало возможность в марте 1872 года снова отправиться в путешествие.

Вместо двух прежних казаков, мало подходящих, Пржевальский взял других—Чебаева и Иринчинова и вскоре полюбил их как родных братьев. Пржевальский умел понимать и ценить людей. При выборе спутника он прежде всего обращал внимание на то, чтобы «человек сам по себе был хороший—это вещь первой важности»[8],—говорил Николай Михайлович.—«Сварливый, злой человек будет неминуемо великим несчастьем в экспедиционном отряде, где должны царить дружба и братство рядом с безусловным подчинением руководителю дела»[9].

С новыми спутниками Пржевальский вторично достиг города Динъюаньина, расположенного близ Алашаньских гор. Заветной целью Пржевальского было таинственное озеро Куку-нор.

Куку-нор (по-монгольски—Голубое озеро) находится на северо-восточной окраине Тибета между хребтами среднего Куэнь-луня. Китайское название его «Цин-хай»—«Синее море». Рассказывая о прекрасном Куку-норе, монголы сравнивают цвет поверхности его с цветом голубого шёлка. Об озере и его происхождении с незапамятных времен были сложены народные предания. Только по этим преданиям и немногим отрывочным сведениям, не отличавшимся достоверностью, европейские географы и могли судить об одном из величайших горных озёр Центральной Азии.

Достигнуть берегов этого замечательного озера, исследовать почти неведомые для науки земли Куку-нора—обо всем этом мечтал Пржевальский ещё задолго до своего первого центрально-азиатского путешествия.

В 1871 году из-за недостатка денег он вынужден был повернуть обратно, не дойдя до озера всего 600 километров. Теперь он твёрдо решил добраться до Куку-нора.

В городе Дунъюаньине экспедиция застала большой караван тангутов*, который направлялся в провинцию Ганьсу к кумирне Чейбсен, находящейся в пяти днях пути от озера Куку-нор. Это было Пржевальскому как нельзя более кстати. Попутчики заменили ему проводника через Алашаньские горы. Тангуты тоже были довольны, так как экспедиция представляла собой хорошо вооруженный отряд, в котором они видели защитника от дунган. Дунгане—народ, живущий в китайских провинциях Ганьсу, Цинхай, Спньцзян. Язык у дунган китайский, религия мусульманская. В течение многих лет этот народ вёл борьбу против китайского владычества. Своими воинственными набегами дунгане наводили страх не только на население, но и на китайских солдат, которые часто прятались от них в кумирнях-монастырях.

Невесело было продвигаться экспедиции в такой напряженной обстановке, всюду видеть разбросанные человеческие кости, встречать трупы, объеденные волками и хищными птицами... Опасно было пить воду из колодцев. «У меня до сих пор мутит на сердце,—писал впоследствии Пржевальский,—когда я вспомню, как однажды, напившись чаю из подобного колодца, мы стали поить верблюдов, и, вычерпав воду, увидели на дне гнилой труп человека»[10].

Раскалённые пески пустынь Ала-шаня сменились горами Восточного Нань-шаня, внизу покрытыми роскошной разнообразной растительностью, а вверху доходящими до линии вечного снега. Путешественники словно перенеслись в совершенно иной мир. Высокие, стройные деревья, густые кустарники, часто сплотившиеся в непроходимые заросли, красивые цветы—всё это живо напомнило Пржевальскому лесную природу Амурского края.

В течение всего пути Пржевальский производил съемку местности и другие научные наблюдения. Всё это надо было делать скрытно, так как спутники Пржевальского тангуты, не понимая научных целей экспедиции, могли счесть его шпионом и жестоко расправиться с ним. Поэтому Пржевальский был отчасти рад, когда вынужденная оста-

* Тангутами Пржевальский называл тибетцев, населяющих северо-восточный Тибет (области Куку-нора и Амдо).

новка из-за болезни казака Чебаева заставила расстаться с тангутским караваном.

У кумирни Чейбсен, куда спустя некоторое время самостоятельно прибыл отряд экспедиции, Пржевальский снискал славу великого «хубилгана», то-есть святого, тем, что, не боясь дунган, разбил свой лагерь на открытом месте, тогда как за стенами монастыря в страхе прятались две тысячи китайских солдат.

Местные жители не могли понять мужества Пржевальского и объясняли его по-своему. Они говорили, что он колдун и заговорен от пуль, что в случае нападения ему на помощь является тысяча невидимых людей, что этому человеку подчиняется всё, что он всемогущ и может вылечить от любой болезни. К нему приходили толпы людей— одни с тем, чтобы он их благословил, другие—чтобы узнал судьбу, третьи—чтобы указал, где найти пропавшего верблюда... Больные просили вылечить их. И когда Пржевальский хиной, английской солью или содой и мятными каплями действительно облегчал страдания, это ещё больше укрепляло его славу великого «хубилгана». Пржевальский особенно не старался разубеждать в своем всемогуществе. Такой взгляд был ему выгоден, так как мог избавить от излишних осложнений в его и без того трудном пути.

25 октября 1872 года* путешественники разбили палатку на берегу озера Куку-нор. Пржевальский писал: «Мечта моей жизни исполнилась... То, о чем недавно ещё только мечталось, теперь превратилось уже в осуществлённый факт»[11].

Он первый из европейцев произвел ценные географические исследования берегов и окрестностей Куку-нора и дал их описание. Пржевальский установил, что озеро, расположенное в обширной степной котловине, находится на высоте 3 200 м над уровнем моря. Основываясь на своих наблюдениях, Пржевальский высказал верную мысль о том, что озеро постепенно мелеет. Обмелению способствует большое летнее испарение, недостаток приточных вод и ветры, приносящие в озеро много песка и пыли.

От озера Куку-нор экспедиция направилась через восточную часть огромной равнины Цайдам в нагорье

---

* Даты указаны по новому стилю.

Тибета. Путешественников опережала стоустая молва. Говорили, что «великий святой запада... идет в Лхасу, чтобы познакомиться с далай-ламой—великим святым востока»[12]. Пржевальскому очень хотелось использовать благоприятную обстановку и действительно дойти до столицы Тибета—Лхасы. Но снова встало перед экспедицией прежнее препятствие: иссякли деньги. Пржевальскому пришлось ограничить свои планы, но он все же решил итти до тех пор, пока хватит средств.

В мрачном, холодном Тибетском нагорье путешественники встретили такое огромное количество диких животных, какого ещё не видели никогда. В этой мало населённой стране звери не боялись людей, но охотиться при сильных морозах было трудно. Коченели руки, слезились глаза. И всё же Пржевальский намного пополнил редкими экземплярами свои зоологические коллекции.

Путь зимой по Тибетскому нагорью был поистине героическим. В изорванной одежде, замерзшие, голодные путешественники напрягали все силы, совершая высокогорные переходы. От разреженного воздуха тряслись руки и ноги, кружилась голова. Достигнув верховьев великой реки Китая Янцзы-цзяна, экспедиция повернула обратно.

Тернистым оказался и этот путь. С трудом добытые коллекции чуть не уничтожило наводнение в горах Алашаня, возникшее в результате ливня. В пустыне Гоби едва не погибли сами путешественники. Шли они напрямик через пустыню на Ургу, путем, каким еще не проходил ни один европеец. Стояла июльская жара, температура воздуха доходила до 45°, а почва накалялась до 63° Цельсия. И вот в такую жару проводник заблудился и не смог вывести экспедицию к колодцу. Воды в отряде оставалось всего несколько стаканов. Люди и животные невыносимо страдали. Последнюю воду брали в рот по капле, чтобы только смочить язык. Путешественников ожидала гибель. Тогда Пржевальский приказал казаку с проводником скакать на чуть живых конях в направлении предполагаемого колодца, взяв с собой посуду для воды. Прошло томительных полчаса. «Скачут, скачут!»—обрадованно закричал Пыльцов. Скоро путешественники с жадностью глотали живительную влагу и радовались, как может радоваться жизни человек, уже почти попрощавшийся с нею.

В сентябре 1873 года караван пришел в Ургу, а затем и в Кяхту.

Так кончилось трехлетнее путешествие.

Монгольское путешествие принесло Пржевальскому мировую славу. Пржевальский прошел 11 тысяч километров. Значительная часть этого долгого и трудного пути пролегла по неизведанным ещё для науки землям. Произведённые с удивительной точностью глазомерные съёмки, астрономические определения широт и определения высот посещённых местностей позволили уничтожить на географической карте часть белых пятен неведомых ранее пространств. Одного этого было достаточно, чтобы прославить имя путешественника. Но научные результаты монгольского путешествия были неизмеримо большими. Пржевальский привез замечательные зоологические коллекции, впервые познакомившие науку с фауной обширной, почти недоступной, страны. В одних коллекциях птиц было до 20 новых, ещё неизвестных науке видов.

Ботанические коллекции содержали до 4 000 экземпляров. Они включали представителей монгольской флоры и впервые ознакомили науку с весьма разнообразной флорой западного Ганьсу.

Величайшую ценность представляли метеорологические наблюдения Пржевальского. Эти наблюдения дали великому климатологу Воейкову богатый материал для общих заключений о муссонном характере климата Восточной Азии.

Не занимаясь детальными геологическими наблюдениями, Пржевальский собрал тем не менее коллекцию образцов горных пород со всех посещённых экспедицией хребтов. Но и этим не ограничивались результаты.

В 1875 году вышла книга Пржевальского «Монголия и страна тангутов». Книга эта была переведена на многие европейские языки. Перед читателями её во всем своеобразии ожили природа и люди таинственных стран Ордоса и Куку-нора, гор Ала-шаня и пустынных пространств Гоби. Написать такую книгу мог только учёный исключительной многогранности, гениальный географ.

Всё, что было собрано, измерено, вычислено, написано, — всё это было делом одного и того же человека, имя которого заблистало яркой звездой среди имен величайших путешественников.

ФИЛИАЛ Центральной ВНБ

С кем из его современников можно было сравнить Пржевальского? С Ливингстоном, пути которого в Восточной Африке были столь же тяжелы и опасны?—Но этот отважный путешественник мало дал для изучения природы пройденных стран. С прославившимся своим пятилетним путешествием по Судану Генрихом Бартом?—Но после этого заслуженного исследователя пришлось даже послать другого человека, чтобы нанести на карту его маршруты. Только знаменитое путешествие П. П. Семёнова в Тянь-шань, значительно уступавшее по своим масштабам героической экспедиции Пржевальского, ознаменовалось столь же разносторонними исследованиями. Семёнов сумел не только открыть, но и завоевать для науки труднодоступные части «загадочного» Тянь-шаня. Он первый угадал в Пржевальском задатки будущего путешественника. Теперь Семёнов и всё Русское Географическое общество с чувством законной гордости могли следить за успехами великого продолжателя начатого еще Семёновым дела. За свои открытия Пржевальский получил от Русского Географического общества золотую медаль. Международный Географический конгресс прислал ему почетную грамоту, Парижское Географическое общество присудило золотую медаль, французская Академия наградила его высшей наградой—«Пальмой академии».

Отовсюду Пржевальский получал поздравления, но больше всего его тронула телеграмма от казаков Чебаева и Иринчинова. Пржевальский говорил о ней с восторгом. Изъявляя желание итти с Пржевальским в новое путешествие, казаки писали: «Память о вас перейдет из рода в род; с вами готовы в огонь и воду»[12].

Желание казаков совпало со стремлением самого Пржевальского, которого неудержимо тянуло снова в неведомые края.

В 1876 году со своим помощником Эклоном Пржевальский отправился в новое путешествие по Центральной Азии—от города Кульджи через Тянь-шань в бесплодную пустыню Такла-Макан к берегам озера Лоб-нор.

О землях Лоб-нора европейцы впервые услышали ещё в XIII веке от знаменитого азиатского путешественника средневековья—венецианца Марко Поло. Прошло шесть

столетий—и всё же об этих землях географы знали немногим больше.

Пржевальский с присущим ему бесстрашием наметил, в качестве одной из главных целей своего путешествия, изучение бассейна этого почти легендарного озера. Результаты превзошли самые смелые ожидания. В отчёте об экспедиции, посланном из Кульджи Русскому Географическому обществу, Пржевальский с полным правом мог написать: «Бассейн Лоб-нора, столь долго и упорно оставшийся в неведении, открылся наконец для науки...»[14].

Пржевальский установил, что Лоб-нор даже не солёное озеро, как предполагали ранее, а огромное тростниковое болото—пресноводный водоём, являющийся разливом реки Тарима. Это неожиданное открытие произвело среди географов сенсацию. Известный немецкий путешественник Рихтгофен высказал предположение, что озеро, найденное Пржевальским в устье Тарима, не настоящий Лоб-нор. Рихтгофен ссылался при этом на старые китайские карты, которые показывали Лоб-нор в другом месте. В ответе Рихтгофену Пржевальский указал, что китайские карты оказались сбивчивыми и неточными. Вполне возможно, что когда-то озеро имело другие очертания, затопляло солончаки и имело солёную воду. Теперь же солёность воды чувствуется лишь у самых берегов.

Вопрос о Лоб-норе долго после путешествия Пржевальского продолжал возбуждать научные споры среди географов и путешественников.

Позднейшие исследования выяснили, что Лоб-нор представляет кочующее озеро. Река Тарим, засоряя свое русло наносами, часто меняет его; поэтому меняет место и озеро, в которое впадает река. Там, где на китайских картах показали Лоб-нор, была найдена большая сухая впадина. В настоящее время эта впадина снова наполняется водою, а Лоб-нор, открытый Пржевальским, начинает усыхать.

Пржевальский первый дал верные сведения о природе этого таинственного ранее уголка Центральной Азии.

В пустынях Лоб-нора водились дикие верблюды. Пржевальский первый из европейцев добыл для коллекции экземпляр этого редкого животного.

Но самым поразительным географическим результатом экспедиции было открытие горного хребта Алтын-таг,

расположенного к югу от Лоб-нора. Никто не подозревал о существовании этого огромного хребта, который тянется не менее чем на 700 километров.

Сорок дней Пржевальский исследовал этот хребет. Страдая от морозов и безводья, он неутомимо шагал по скалистым склонам однообразной каменной гряды с голыми остроконечными пиками. Нигде не было даже следов растительности. Открытием Алтын-тага была точно установлена северная граница Тибетского плоскогорья.

Во время этой экспедиции Пржевальский заболел. Пришлось возвращаться на родину. «Тяжело мне было решиться на возврат,—писал Пржевальский—несколько раз я плакал при мысли о такой необходимости»[15]. Все же Николай Михайлович не оставлял мысли после лечения в пограничном городе Зайсанске вновь продолжать путешествие. Но намерение это не осуществилось. Из-за осложнившихся отношений с Китаем Пржевальскому было приказано приостановить экспедицию. К тому же и здоровье его не поправлялось. Весной 1878 года Пржевальский прибыл в Петербург.

Второе путешествие, хотя и прерванное, дало не малый научный результат.

За год с лишним было пройдено около пяти тысяч километров пути, сделаны топографические съемки озера Лоб-нор с окрестностями, реки Тарим и открытого Пржевальским хребта Алтын-таг. Эти большой ценности съёмки значительно уточнили географическую карту. О втором путешествии Пржевальский написал отчет под названием «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор».

Поправив здоровье, Пржевальский стал разрабатывать план нового большого путешествия в Тибет—страну совершенно неизвестную в географическом и этнографическом отношениях. Пржевальский уже не представлял себе жизни без путешествия. Он признавался, что так тосковал по Азии, «словно в далеких пустынях... покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе»[16]. Охваченный поэтическим чувством, он писал:

«В бурю, в бурю снова...
Отдохнув, сказал пловец,
Знать, я жребия такого,
Что в затишье не жилец...»[17].

И вот он снова среди бурь и ураганов, среди песков, пустынь и горных высот. Теперь он во главе уже не нарочно снаряжённого отряда из четырех человек, а снабжённой всем необходимым оборудованием научной экспедиции из тринадцати человек. Два помощника — Эклон и Роборовский, остальные—казаки, среди них и неизменные спутники первых путешествий.

Цель этого нового, уже третьего по счету путешествия в Центральную Азию—далекий Тибет. Избранный Пржевальским путь к Тибету проходил из Зайсанска через Хами, Сачжоу и Цайдам, по малоизвестным местностям, которые сами по себе представляли высокий научный интерес.

Ранней весной 1879 года караван вышел из Зайсанска. Впереди лежала Джунгарская пустыня, одна из самых неприветливых пустынь Центральной Азии. Но закаленных в борьбе путешественников ничто не смущало. Все были бодры и веселы.

Впоследствии Пржевальский красочно описал обыденный походный день экспедиции.

«Перенеситесь теперь, читатель, мысленно в центрально-азиатскую пустыню к нашему бивуаку, —писал Пржевальский,—и проведите с нами один сутки—тогда вы будете иметь полное понятие о нашей походной жизни во всё время путешествия.

Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа, в пустыне. Две палатки стоят невдалеке друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне нааркапены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд, или бредит сонный человек... В сухой прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; млечный путь отливает фосфористым светом; там и сям промелькнет по небу падучая звезда и исчезнет бесследно... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа»[18].

Но вот и светлело небо, забрезжила заря. Утренний холодок ещё пробирает до дрожи, а караван уже собирается в путь. Когда первые лучи всходящего солнца позолотили желтый песок, караван двинулся. Не мало надо пройти за день: верст 20—25.

«Первый десяток верст пути всегда проходит как-то незаметно; но на втором десятке, в особенности к его концу, начинает уже чувствоваться небольшая усталость, тем более, что в это время обыкновенно наступает жара или поднимается буря. Разговоры в караване также смолкают; даже верблюды и лошади идут лениво, апатично...

Но вот наконец показывается вдали желанное место—колодезь или ключ, возле которого иногда бродит монгольское стадо, ожидая водопоя. Оживляются тогда силы всего каравана: быстрее пойдут верблюды, вскачь побегут собаки к воде, рысью еду и я туда, выбирать место для бивуака»[12].

Устанавливаются палатки, одна сторона их приподнимается, и от этого приятно продувает свежий ветерок. В строгом порядке раскладываются вещи, сушатся на солнце растения для гербария, «казак, заведывающий кухней, наскоро разводит огонь и варит чай. Топливом, как и везде почти в пустыне, служит сухой помет животных, называемый монголами аргал. Лучшим считается аргал рогатого скота, затем верблюжий и лошадиный; при нужде употребляется и бараний. Зажигать подобное топливо нужно с умением, тогда оно горит хорошо.

Едва ли какой-либо гастроном ест с таким аппетитом разные тонкости европейской кухни, с каким мы принимаемся теперь за питьё кирпичного чая и за еду дзамбы с маслом, а за неимением его—с бараньим салом. Правда, последнее, будучи растоплено, издает противный запах сальных свечей, но путешественнику в азиатских пустынях необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не путешествовать. Цивилизованный комфорт, даже при больших материальных средствах, здесь невозможен: никакие деньги не переменят солёной воды пустыни на пресную, не уберегут от жаров, морозов и пыльных бурь, от грязи, а иногда и паразитов. В самом себе должен искать путешественник сил для борьбы со всеми этими невзгодами... Окончив чаепитие и утолив голод, все принимаются за работы. Одни казаки идут собирать аргал;

другие, которым сегодня очередь пасти караванных животных, возятся около верблюдов; третьи обдирают зарезанного на обед барана. В нашей палатке также все заняты: я перевожу на чистый планшет сегодняшнюю съёмку и пишу на свежую память дневник, Роборовский рисует, Эклон и Коломейцев препарируют убитых дорогой птиц. В час пополудни делается третье метеорологическое наблюдение»[20].

Скоро поспевает обед. После обеда обычно идут на экскурсии или на охоту и только к заходу солнца возвращаются на бивуак. Здесь в листы пропускной бумаги кладутся собранные растения, в спирт — пойманные ящерицы и змеи, обдираются убитые птицы. Наступают сумерки, раздувается огонь, варится чай, слышатся оживлённые разговоры, все обмениваются дневными впечатлениями. После вечернего чая последний раз измеряется температура воздуха, в палатке при свете стеариновой свечи записываются метеорологические наблюдения, и на этом кончается трудовой день путешественников.

А на утро снова в далекий путь! Впереди Пржевальский с развернутой картой. Часто без проводника он вёл свой отряд уверенно и решительно. Колебаний в нем никто не замечал, но они конечно были, как у каждого человека. В такие минуты, по словам Роборовского, Пржевальский уходил один вдаль, садился где-нибудь на камень и думал. Он боролся с собой. Недюжинный ум и сильная воля помогали ему быстро привести себя ко внутреннему равновесию, и он возвращался к своим, как всегда спокойный и твердый. Он знал, что был моральной опорой отряда, и поэтому не допускал в себе никаких слабостей.

Пройдя около 1 100 километров, путешественники добрались в конце мая до знаменитого с глубокой древности оазиса Хами. Этот оазис составляет крайний восточный пункт группы оазисов, которые тянутся вдоль подножья хребтов Тянь-шаня. Орошение пробуждает в них к жизни богатую растительность. В этих плодородных уголках пустыни издавна развивается земледелие. В Хами путешественники отдохнули пять дней. Предстоял тяжёлый путь по каменистой пустыне.

12 июня Пржевальский записывал в своем дневнике: «Завтра двинемся далее. Перейти Хамийскую пустыню будет не легко, в особенности теперь, при страшных

дневных жарах. Зато отсюда начинается самый интересный путь по местностям почти неведомым»[21]. И вот Пржевальский снова в пути. Экспедиция шла по волнистой равнине. Здесь и там поднимались лёссовые обрывы в форме стен, а иногда столов или башен. Растительности и животных путешественники не видели вовсе. По дороге валялись кости лошадей, мулов и верблюдов. Над раскалённой днем почвой висела мутная, словно дымом наполненная, атмосфера. Пройдя через эту ужасающую своим бесплодием пустыню, путешественники достигли одного из самых плодородных в Центральной Азии оазисов—Сачжоу, расположенного в пределах громадной горной системы Наньшаня. Отдыхать в Сачжоу долго не стали. Пржевальский с лихорадочным нетерпением ожидал той минуты, когда можно будет забраться в горы, провести первые исследования Нань-шаня. В горах началась повседневная научная работа путешественников. Результаты её оказались очень значительны. Были открыты два неизвестных ещё больших снеговых хребта. Один из них Пржевальский назвал хребтом Гумбольдта, другой—Риттера. Из Наньшаня двинулись дальше в путь через солончаки и ключевые болота Цайдама на территорию Северного Тибета.

Тибет—основная цель всех экспедиций Пржевальского совершенно не был известен в географическом, естественном и этнографическом отношениях. Но в пределы Тибета попасть было не легко.

Тибетское плоскогорье по природным условиям одно из самых труднодоступных в мире. Южную и юговосточную части этого плоскогорья занимает Тибет, страна находившаяся в то время в вассальной зависимости от Китая. В эту страну ни одна из научных экспедиций не проникала, и лишь отдельные путешественники, переодетые монголами, были в столице Тибета Лхасе, так как китайские и тибетские власти всячески препятствовали проникновению европейцев в Тибет.

Через полгода после выхода из Зайсанска экспедиция поднялась на Тибетское плато. «Мы вступали словно в иной мир»[22],—записывал Пржевальский. В этом новом мире больше всего поражало обилие крупных зверей, почти не страшившихся человека. «Невдалеке от нашего стойбища паслись табуны хуланов, лежали и в одиночку

расхаживали дикие яки, в грациозной позе стояли самцы ороиго*; быстро, словно резиновые мячики, скакали маленькие антилопы-ада» [23].

Пржевальский уже видел такие картины во время своего первого путешествия. Зато удивлению и восторгу его спутников не было конца.

Могучее нагорье неприветливо встретило путешественников. Особенно тяжелы были для них ужасные тибетские бури, пронизывавшие до костей и наполнявшие воздух тучами пыли и песка.

Почти два месяца продолжался путь экспедиции вглубь Тибета. Крайним южным пунктом, которого достиг Пржевальский, была гора Бумза. Оставалось меньше трехсот километров до Лхасы, когда выехавшие навстречу Пржевальскому тибетские чиновники объявили, что правители Тибета решили не пускать экспедицию дальше.

На обратном пути, вторично после своего первого путешествия, Пржевальский побывал на Куку-норе, исследовал часть верхнего течения Хуан-хэ, восточный Наньшань и через Гоби, тем же путём, что и в 1873 году, вернулся на родину. Третье по счету путешествие в Центральную Азию было закончено.

Всего в течение этой экспедиции из пройденных семи тысяч двухсот километров пути—свыше четырех тысяч Пржевальский заснял при помощи буссоли. Он исследовал много мест, по которым ещё не ступала нога европейца. Находясь в диких, отдаленных краях, путешественники долгое время не могли дать знать о себе, и на родине экспедицию Пржевальского уже считали погибшей. Велика была радость, когда в конце октября 1880 года Пржевальский со своими спутниками благополучно прибыл в Кяхту.

Третье путешествие Пржевальского ознаменовалось не только проникновением в Тибет и его изучением, но и весьма важным для географической науки исследованием части верхнего течения реки Хуан-хэ.

Из этого путешествия, как и из предыдущих, Пржевальский вывез богатейшие коллекции, содержавшие много новых видов растений и животных. Самым замечательным экземпляром в его зоологических коллекциях на этот раз

---

* Ороиго—характерный для Тибета вид антилопы.

несомненно была найденная в Джунгарии дикая лошадь, о существовании которой в Центральной Азии до Пржевальского ничего не знали. Зоологи назвали её по имени великого путешественника—«лошадь Пржевальского».

Пржевальский так описывал дикую лошадь в книге о своем путешествии: «Новооткрытая лошадь, называемая киргизами кэртаг, а монголами таке, обитает лишь в самых диких частях Джунгарской пустыни. Здесь кэртаги держатся небольшими (5—15 экз.) стадами, пасущимися под присмотром опытного старого жеребца. Вероятно, такие стада состоят исключительно из самок, принадлежащих предводительствующему самцу. При безопасности звери эти, как говорят, игривы. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны; притом одарены превосходным обонянием, слухом и зрением. Встречаются довольно редко; да притом, как сказано выше, держатся в самых диких частях пустыни, откуда посещают водопои. Впрочем, описываемые животные, как и другие звери пустыни, вероятно надолго могут оставаться без воды, довольствуясь сочными солончаковыми растениями» [24].

Весной 1881 года в Петербурге, в большом конференц-зале Академии наук, была устроена выставка коллекций знаменитого путешественника, почетного члена Академии и почетного доктора зоологии — Пржевальского. Пржевальский получал множество поздравительных писем из-за границы. В одном из них сообщалось о присуждении ему Берлинским Географическим обществом медали имени Гумбольдта. В другом—об избрании почетным членом Венгерского Географического общества.

Нескончаемые чествования—заседания, приемы, обеды—тяготили Пржевальского, человека по натуре скромного, больше всего любящего свободную жизнь на лоне природы. Пржевальский постарался как можно скорее уехать из Петербурга.

В глуши Смоленской губернии он приобрел небольшое имение, где стал писать свою новую книгу, вышедшую потом под заголовком «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки». Здесь же, в этом лесном уголке, Пржевальский случайно познакомился с П. К. Козловым, который стал спутником его следующего, четвертого путешествия.

Пржевальский был человеком необычным. «От Николая Михайловича,—вспоминал Козлов,—неслась какая-то особенная струя, подчинявшая каждого его неравненной силе воли, энергии и того высокого обаяния, которое составляло исключительную черту характера Пржевальского»[25].

Четвертая экспедиция состояла из двадцати одного человека. Ближайшими помощниками Пржевальского были Роборовский и Козлов.

В октябре 1883 года экспедиция направилась из Кяхты в Ургу. Перед тем как выступить из Урги в далекий путь, Пржевальский прочел своему маленькому отряду следующий приказ: «Товарищи! Дело, которое мы теперь начинаем, великое дело. Мы идем исследовать неведомый Тибет, сделать его достоянием науки... Не пощадим же ни сил, ни здоровья, ни самой жизни, если то потребуется, чтобы выполнить нашу громкую задачу и сослужить тем службу как для науки, так и для славы дорогого отечества»[26].

Уже известными путями, хотя от этого не менее трудными, экспедиция шла через пустыню Гоби, Ала-шань, Нань-шань, побывала на берегах величественной реки Тэтунг, дошла до знакомой ещё по первому путешествию кумирни Чейбсен, отсюда к озеру Куку-нор и дальше в Цайдам.

Через полгода после выступления из Кяхты, пройдя 2500 километров, путешественники были на территории Цайдама в той же местности, которая уже два раза (в 1872 году и в 1879 году) служила Пржевальскому исходным пунктом для путешествий по Северному Тибету.

С чего начать на этот раз исследования в сердце Центральной Азии? Какие новые тайны вырвать у суровой недоступной природы? Намеченная Пржевальским цель была достойна великого путешественника. В план его путешествия входили исследования истоков Желтой реки—Хуан-хэ. На географических картах истоки Хуан-хэ наносились в то время картографами лишь приблизительно, на основании старых китайских описаний. Ещё менее точными, чем эти описания, оказались глазомерно-маршрутные съёмки одного рекогносцировщика индуса, которого в 1879 году секретно направили в Тибет англичане.

После трудного похода по Тибетскому нагорью Пржевальский достиг обширной котловины Одонь-тала—

БИБЛИОТЕКА
Г. Ш ВМС СССР

колыбели великой китайской реки. Хуан-хэ направляется из Одонь-тала к востоку и протекает через два больших озера. Пржевальский назвал одно из них Русским, а другое озером Экспедиции. «Пусть первое из этих названий, — писал Пржевальский, — свидетельствует, что к таинственным истокам Желтой реки впервые проник русский человек, а второе—упрочит память нашей здесь экспедиции...»[27].

Кроме исследования истоков Хуан-хэ путешествие Пржевальского преследовало и другие задачи, которые столь же блестяще были разрешены экспедицией. Исследовав водораздел Хуан-хэ и Янцзы-цзяна, Пржевальский снова направился на территорию Цайдама. Новые важные географические открытия были сделаны им в системе хребтов Куэнь-луня. Пржевальский обнаружил значительные, ещё неизвестные европейцам, хребты. Он дал им названия: хребет Колумба, хребет Московский, хребет Русский. Один из открытых им хребтов Пржевальский назвал «Загадочным», так как его удалось увидеть лишь издали. Очень важные исследования экспедиция проводила затем в бассейне Тарима.

Население в этих местах относилось к путешественникам дружелюбно, лишь местные китайские власти нередко чинили разные препятствия экспедиции и относились к ней подозрительно. Роборовский в своих воспоминаниях объяснял это тем, что китайские чиновники не понимали научных целей экспедиции и видели в русских то золотоискателей, то завоевателей, то людей, которые пробирались в Лхасу, чтобы украсть далай-ламу, духовного и светского главу Тибета. Ловлю же бабочек, птиц, сбор растений и так далее они объясняли стараньем отвести глаза, считая, что не могут же люди из-за таких «пустяков» жертвовать своей жизнью, преодолевая трудности, которые и привычным местным жителям часто не под силу.

В начале ноября 1885 года, через два года после выхода экспедиции из Кяхты, путешественники были в пограничном русском городе Караколе.

Четвертое путешествие, не менее знаменитое открытиями чем три предыдущих, было завершено. С чувством удовлетворения Пржевальский благодарил в приказе от имени науки и Родины своих товарищей-спутников. Но

вместе с тем никогда Пржевальский с такой грустью, как в этот раз, не покидал любимой им Центральной Азии. В дневнике он записал: «...Мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь... Больно с ней расставаться—быть может, надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о последнем... Если только мне не суждено более итти в глубь Азии—воспоминания... будут для меня отрадою до конца жизни»[28].

По окончании экспедиции Пржевальский занялся работой над новой книгой и устройством для широкой публики выставки богатейших коллекций.

Давая многочисленным трудам Пржевальского наивысшую оценку, Академия наук наградила Пржевальского специально выбитой в честь него золотой медалью с его портретом. Один из открытых им горных хребтов, названный «Загадочным», был переименован в хребет Пржевальского. Французское и Голландское Географические общества избрали его почетным членом, а Германская Академия естественных наук—своим действительным членом.

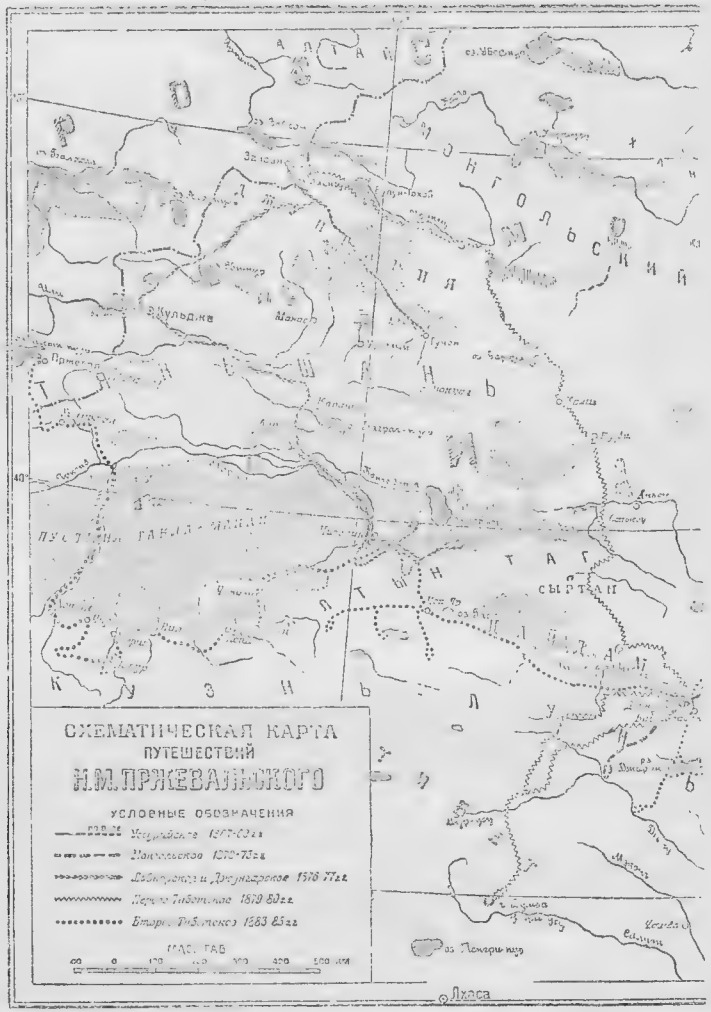
Заслуги Пржевальского бессмертны для науки.

В путешествиях Пржевальский прошел свыше 32 тысяч километров пути. Словно богатырь народных сказаний, расколдовавший неведомое сказочное царство, Пржевальский снял с огромных пространств Центральной Азии облекавший их таинственный покров. Только такому богатырю оказалось под силу водворить на свое место на географической карте колоссальные снежные хребты и плоскогорья, истоки величайших рек и бассейны легендарных озёр. Коллекции, привезённые Пржевальским, были огромны. «Зоология, ботаника, метеорология и человек—все были охвачены в одном целом в описаниях Пржевальского и имели отражение в его сборах» [29].

Сам Пржевальский никогда не успокаивался на достигнутом.

Осенью 1888 года он двинулся в новую экспедицию. В начале её, не далеко от города Каракола, Пржевальский заболел брюшным тифом.

Во время болезни Пржевальский с грустью говорил о том, что не может продолжать путешествие и, вероятно, долго ещё не сможет. Когда же понял, что приближается роковая развязка, он спокойно высказал



свои последние желания, указал, как и где его похоронить.

«Я смерти не боюсь,—говорил он:—готов умереть, я не раз был лицом к лицу со смертью». И, обратясь к своим спутникам, у которых заметил на глазах слезы, добавил: «Что же вы плачете, как бабы? На меня только выпала доля раньше других умереть» [39].

Даже в свои последние минуты, минуты тяжких страданий, Николай Михайлович, как всегда, старался быть моральной опорой товарищей.

Всю ночь на первое ноября 1888 года больной бредил об экспедиции. Утром, придя в сознание, сказал: «Я хочу встать!» [41] и твердо встал на ноги. В последний раз блеснула могучая сила, могучая воля и тут же угасла.

Так умер первый исследователь Центральной Азии, умер в расцвете сил на пятидесятом году жизни.

Пржевальского похоронили, как он просил, на высоком берегу озера Иссык-куль. В день похорон стоял солнечный день, в небе реяли могучие грифы, а в нежноголубые воды озера точно окунались снежные вершины Тянь-шаня.

Благодарная родина увековечила память Пржевальского, переименовав город Каракол в Пржевальск. На могиле поставлен величественный памятник из глыб тянь-шаньского гранита. Но самый ценный памятник воздвигли Пржевальскому его ученики Роборовский и Козлов, посвятившие свою жизнь любимому делу учителя.

В. И. Роборовский (1856—1910)

В. И. РОБОРОВСКИЙ

Летом 1893 года по главной улице города Пржевальска мимо пестрой толпы провожающих—русских, киргизов, дунган, машущих руками, платками и выкрикивающих добрые пожелания, продвигался караван экспедиции. Впереди, выделяясь высокой статной фигурой, ехал её начальник Всеволод Иванович Роборовский. Длинной вереницей шли навьюченные верблюды, опасливо поглядывая по сторонам. Эти обитатели пустыни в городе, вероятно, чувствовали приблизительно то же, что житель захолустья, попавший в столицу. От беготни и визга мальчишек, от гортанных выкриков киргизов животные настолько перепугались, что один даже выбросил из седла казака экспедиции.

Километрах в двух от города гостеприимные жители Пржевальска ждали караван по русскому обычаю с хлебом и солью. Принимая подарок, Роборовский и его помощники Козлов и Ладыгин крепко обнимали близких сердцу русских людей, последних, с которыми прощались перед более чем двухлетним странствованием по чужим землям.

Тяжело было Роборовскому расставаться в Пржевальске с могилой своего учителя, у которой все они накануне отъезда стояли с непокрытыми головами. Эти минуты вскрыли в душе начавшие зажить раны и воскресили воспоминания о ранней молодости, когда он—двадцатитрехлетний прапорщик пехотного полка, человек жизнерадостный, пышущий здоровьем и силой, познакомился с Пржевальским. Чувство восторга, волнения и смущения перед известным уже путешественником настолько охватило Роборовского при первом свидании, что он даже не решился заговорить о том, для чего пришел. Только при одной из следующих встреч он с трепетом в душе сказал

Пржевальскому, что счел бы для себя величайшим счастьем сопутствовать ему в экспедиции»[32].

Вместо ответа Пржевальский стал рассказывать о трудностях путешествий. Изображая их в ярких и нарочито мрачных тонах, он пристально всматривался в Роборовского глубоким проникновенным взглядом.

Несколько месяцев продолжались встречи, но определенного ответа Пржевальский не давал. Томительное ожидание, сомнения и тревоги мучили Роборовского. В памятный на всю жизнь день 22 декабря 1878 года Пржевальский сказал: «Я с вами хорошо познакомился, долго и различно испытывал вас, желая узнать ваш характер и убедиться, какое дело, какие именно занятия могут быть поручены вам и, в конце концов, решил взять вас с собою»[33].

Вспомнились ученические шаги первого путешествия в Центральную Азию. Сколько в них было радости и волнений, удач и ошибок! Особенно памятен один хороший жизненный урок в начале пути. Из города Зайсанска Роборовский пошел на охоту и заблудился. Пропадал почти два дня. Пржевальский собирался уже итти на поиски его, но он с сильно виноватым видом явился сам. Этот случай заставил молодого путешественника много пережить, зато впоследствии Роборовский больше никогда не блуждал. Да и как же можно заблудиться, думал он, уже набравшись опыта, когда «всякая горка, всякий камень особого цвета, каждый сколько-нибудь выдающийся предмет служит для ориентировки»[34].

Не мало уроков преподал Роборовскому сам Пржевальский. По-отечески любовно и терпеливо он обучал Волю, как он называл Роборовского. Как приятно вспоминалось теперь Всеволоду Ивановичу это ласкательное имя.

Николай Михайлович научил Роборовского экспедиционному способу коллекционирования растений, и эта работа сделалась его основной и любимой. Другой любимой и нужной работой были зарисовки. Делал он их всегда с увлечением. С неменьшим увлечением он собирал и материал по этнографии, беседуя часами при помощи переводчика с местными жителями, и охотился за интересными птицами, и ловил насекомых, и наполнял мешочки образцами почвы, бумажные пакетики семенами, папку — растениями.

Целые дни пропадал он на экскурсиях и лишь к вечеру, усталый и счастливый, возвращался на бивуак. Хорошее это было время!

Около 20 месяцев пробыл Роборовский в третьем путешествии Пржевальского в Центральную Азию. Он прошел хорошую школу и вышел из неё уже не учеником экспедиции, каким был, а настоящим путешественником.

Вспоминалась и следующая экспедиция через два с половиной года. В ней он был уже ближайшим помощником Пржевальского. Вторым его помощником был молодой вольноопределяющийся Козлов. С ним Роборовский крепко подружился на многие годы.

После своей второй экспедиции Роборовский серьезно занялся научной подготовкой. Ярко встали перед глазами туманные короткие петербургские дни, проводимые в библиотеках за книгами, в просторных залах Зоологического музея, в Ботаническом саду, в кабинетах учёных специалистов. Роборовскому очень хотелось как можно лучше подготовиться к самостоятельным поездкам, которые обещал ему поручать Пржевальский в своей предполагаемой пятой экспедиции.

Неожиданная смерть унесла любимого учителя. Но приобретённые Роборовским знания в соединении с прежним опытом сослужили ему большую службу в следующем путешествии под начальством Певцова.

Не так просто было провести отдельно от каравана пять больших длительных поездок.

Одна из них в нагорья Тибета в сторону истоков Керии-дарьи была необычайно трудной. Роборовский попал в высокогорную безжизненную пустыню. Угрюмо торчали вокруг черные сланцевые гребни, голые, лишённые признаков растительности. Временами со страшной силой налетал буран, свистел порывистый ветер, швыряя снегом и острыми камнями.

В первый раз в жизни Всеволоду Ивановичу пришлось побывать в таких диких местах. Они навсегда запечатлелись в его памяти.

Много трудностей преодолел Роборовский в первых трех экспедициях, многому научился. И теперь в самостоятельную четвертую экспедицию он шёл со спокойной уверенностью опытного путешественника. Он рад был

что оставил городскую жизнь, которую никогда не любил.

Выйдя из Пржевальска, Роборовский с радостью записал в дневник: «Да, мы покинули цивилизованную жизнь, полную всяких стеснительных, так называемых удобств, и начали новую свободную жизнь—полную наслаждений природой»[35].

При первых же остановках, ещё пока на родной земле, путешественники, точно вырвавшиеся из душных комнат дети, с увлечением лазили по горам, хватаясь за кусты и деревья, любовались яркими цветами лугов. Роборовский, как страстный ботаник, тут же начал сбор растений для гербария.

Он рассказывал: «Увлечение ботаникой доходило у меня до того, что зачастую я с опасностью для жизни взбирался на горы... камни валились у меня из-под ног, казалось, вот-вот свалюсь в пропасть, но все-таки я доставал интересовавший меня цветок»[36].

Во время ботанических экскурсий Роборовский находился в состоянии необычайного подъема: он рисовал, фотографировал, любовался природой и записывал свои впечатления в дневник. Находясь в ущелье реки Ак-су, он записал: «Расцвеченные разнообразными красками бабочки соперничали с цветами лугов по красоте.... По синеголубому небу плыли кучевые белоснежные облака, принимая странные формы, временами загораживая солнце. Но куда они плывут?! Разве здесь не так хорошо, чтобы побыть еще?!»[37]. Так мог писать лишь человек с поэтической душой.

Но не только таким был Роборовский. Его руки умели и бережно касаться лепестков цветка, и крепко держать винтовку, и карандашом набрасывать виды природы, и ломом вырубать ступени во льду. Всеволод Иванович соединял в себе нежность поэта, художника, человека и мужество борца. А борьбы в пути было не мало!

Как только путешественники вступили на китайскую землю и пошли на юго-восток к горам Тянь-шаня, им стали преграждать путь бурные реки с ледяной от таявших снегов и мутной водой. Сберегая животных и имущество экспедиции, людям не раз приходилось погружаться в ледяные потоки. Однажды Роборовский едва не утонул. Лошадь,

на которой он пересекал реку, споткнулась и сбросила седока в воду. Много усилий пришлось приложить Роборовскому, чтобы выбраться на берег.

При переходах по Тянь-шаню были свои трудности. Промокшие от бесконечных дождей, прозябшие от ночных морозов, путешественники с трудом переставляли пудовые ноги от налипшей на них глины. Верблюды скользили и могли каждую минуту скатиться в пропасть. Измученным людям приходилось поддерживать их. Невозможность развести костер из намокших веток, обсушиться, согреться горячей пищей, которой по нескольку дней они не имели,—всё это было крайне тяжело. Бодрило одно: близость намеченной цели—плато Большого Юлдуса. Наконец, путешественники достигли восточной части Юлдуса. Эта часть до того никем не была изучена. Исследования, проведённые Роборовским, показали, что Большой Юлдус, богатый растительным и животным миром, является болотистым дном бывшего здесь когда-то большого озера.

Вторым важным достижением, давшим также ценные сведения для науки, было исследование Турфанской котловины, расположенной в 70—80 километрах от южных предгорий Тянь-шаня. Юго-восточная часть котловины—совершенная пустыня. Северная и западная, орошаемые реками, стекающими с предгорий Тянь-шаня, довольно плодородны, покрыты камышами и кустами тамарисков. Здесь, вблизи города Люкчуна, Роборовский организовал метеорологическую станцию, где в течение двух лет производил наблюдения член экспедиции Шестаков.

Из Люкчуна Роборовский решил двигаться к оазису Хами самым прямым путем—опасной пустынной дорогой, которую китайцы называли «Долиной бесов». Этим путем можно было ходить лишь осенью, когда стихают свирепствующие здесь бури, засыпающие без следов песком целые караваны.

Жители Люкчуна всячески отговаривали путешественников и рассказывали разные страхи, но, видя, что ничто не действует, заключили, что русские «знают какое-нибудь колдовство, им помогают тайные силы, одни ходят там, где никто раньше не бывал, и находят дороги... для русских нет непроходимых мест» [38].

В «Долине бесов» к каравану присоединились добровольные спутники—хищные вороны, зорко высматривающие добычу.

В декабре 1893 года караван пересекал Хамийскую пустыню. Здесь донимали снежные бураны такой силы, что юрту привязывали к тяжелым вьюкам, чтобы не унесло. Дрова из-под костра разлетались точно живые, а снег швыряло массами, будто его подбрасывали сотни лопат. Долго потом откапывали путешественники занесённые снегом вьюки

В пустыне путешественники встречали антилоп (джейранов), но убить их было трудно: при приближении человека они убегали с удивительным проворством. Зато в Хамийской пустыне удалось убить дикого верблюда.

Труден зимний переход по этой пустыне в 35-градусные морозы. Даже в палатках не раз бывало 30 — 33°. По ночам борода и усы примерзали к подушке, ледяной коркой покрывалось одеяло. Руки Роборовского распухли, но он не обращал на них внимания, продолжая свою работу. Его больше беспокоили хронометры, которые, спасая от мороза, приходилось обкладывать грелками с кипятком, или помещать над ямой с горячей золой.

Нередко путешественников застигали песчаные бури. Они были ужаснее снежных буранов. При морозе иной раз в 20 — 25° налетал сильный ветер. Удержаться в седле на лошади было невозможно. Песок и мелкий щебень больно били по лицу, угрожая поранить глаза. От густой пыли становилось темно. Роборовский сидел в своей крохотной брезентовой палатке и спокойно наблюдал. Когда от холода у путешественников начинало судорогой сводить рты, так что трудно было говорить, они принимались бегать, гоняя иззябших животных, и тем согревали и их и себя. Местный житель—проводник экспедиции—не отличался такой стойкостью. Бураны приводили его в полное отчаяние. «Он то бросался пластом на землю, с жаркой молитвой...то обращался к небесам со страшной руганью, вытягивая к ним свои сжатые в кулаки руки...[39]». Глядя на него Роборовский добродушно посмеивался.

В январе 1874 года экспедиция прибыла в оазис Сачжоу. Здесь была организована временная метеорологическая станция, отсюда делались постоянные разъезды в окрест-

ности для наблюдений. Здесь же путешественники встретили первое пробуждение весны. Она приходила медленно, как бы с опаской. В этой стране с резко континентальным климатом, где жара быстро сменяется морозом, а морозы жарой, где зимой и летом постоянные бури, тяжело не только людям. С грустью наблюдал Роборовский, как погибали от мороза едва развившиеся почки, как облетали от ветра цветы, как буря разоряла птичьи гнезда и выбрасывала беспомощных голых птенцов.

С наступлением тепла работать стало легче. Научные наблюдения и топографические съёмки пошли успешнее. В продолжение этой весны Роборовский и Козлов сделали съёмки по ещё не исследованным местам более чем на 1 500 километров.

В мае экспедиция двинулась из Сачжоу и направилась к горам Нань-шаня.

Через пять дней, пройдя за это время около 90 километров, путешественники устроили бивуак вблизи прекрасного многоводного ключа. Около этого самого ключа, расположенного у речки Куку-усу, в 1879 году почти три недели находилась стоянка экспедиции Н. М. Пржевальского. Пржевальский назвал этот ключ «Благодатным».

И опять, как и всегда в тех местах, где он проходил когда-то со своим великим учителем, на Роборовского волной нахлынули воспоминания.

Прошло уже много лет, а в памяти так отчетливо встает этот знаменательный день, когда Пржевальский отправился с ним на экскурсию в горы. Трудное, утомительное восхождение... И вот они на вершине одной из гор, на высоте 5 000 метров. Их трое: Пржевальский, Роборовский и препаратор Коломейцов. Перед ними тянется снеговой хребет, на гребне которого они находятся. Они видят отсюда другой могучий снеговой хребет. Полчаса, которые они провели на этой вершине, запомнились навсегда. Никогда ещё они не поднимались так высоко, никогда не оглядывали такого обширного горизонта. Это незабываемое восхождение дало замечательный результат для науки. Были открыты два снеговых хребта, те самые, которые Пржевальский назвал потом именами Риттера и Гумбольдта.

Теперь Роборовский опять здесь, у того же ключа, от которого началась когда-то эта незабываемая поездка

в горы. Задача состоит в том, чтобы по возможности обстоятельно обследовать Нань-шань.

Еще до выезда из Сачжоу, Роборовский тщательно обдумал план этого обследования. Он решил через каждую сотню километров устраивать продолжительную стоянку на 20—30 дней. Эти стоянки, расположенные в лучших местах, богатых водой и кормом для караванных животных, должны были служить удобными исходными пунктами для летучих географических разведок в стороны. Такие разведки намечено было проводить на каждой стоянке, в двух разных направлениях одновременно—в одном направлении Роборовский, в другом Козлов. На Ладыгина, остающегося на главном бивуаке, возлагались метеорологические наблюдения и сбор материалов для коллекций. При таком способе исследования охватывалась большая территория, а люди, оставшиеся на главном бивуаке, получали достаточно времени и поохотиться и отдохнуть.

Намеченный план был полностью выполнен. От первого главного бивуака («склада-станции») Роборовский совершил трудную поездку, продолжавшуюся 18 дней. Глазомерная съемка проделанного им во время этой поездки пути на протяжении 600 километров внесла большие изменения в старые карты.

Ещё более интересной была вторая поездка Роборовского, со следующего «склада-станции» у ключа Бага-булак, где путешественники провели почти месяц. Целью поездки было обследование хребта Риттера. Роборовскому пришлось ехать без проводника, вдвоем с участником экспедиции Баиновым

Поднимаясь все выше и выше в горы по тропе диких яков и куланов, они достигли одного из самых недоступных перевалов в хребте Риттера. С помощью гипсотермометра была определена аболютная его высота—4 800 метров (высота Монблана). Роборовский назвал перевал Звериным из-за его недоступности.

Впоследствии он узнал монгольское имя его Тургын-хутул. Потом был пересечен еще более высокий перевал. Роборовский увидел ледяные громады той части хребта Риттера, которая носит у монголов название Гучин-гурбу-шахалгын, что значит «33 непроходимых, безвыходных места».

«Ледники эти поистине громадны,—записывал Роборовский,—никакая человеческая фантазия не в состоянии представить себе такой массы льда» [40].

В ущельях завывали ветры. Они затрудняли дыхание. От частых бурь кожа на лице обветривалась и слезала. Ночью каждое прикосновение к подушке приносило нестерпимую боль, от которой пропадал всякий сон. Но Роборовский шёл вперед, не прекращая научных наблюдений от хребта Риттера к хребту Гумбольдта. Нань-шань должен открыть свои тайны науке.

Без проводника в 11 дней Роборовский вместе с Баиновым прошел более 300 километров, всё время производя глазомерную съёмку.

Этой поездкой окончательно выяснилось положение и орографическое строение хребта Риттера, и значительно пополнилось знакомство с хребтом Гумбольдта.

Такими же трудными и столь же плодотворными для науки были дальнейшие исследования в Нань-шане. Во время одной из поездок Роборовского (на этот раз уже с проводником) проводник с удивлением и восторгом заявил, что русские особенные люди, для которых всё возможно, которым всё подчиняется—и вода, и земля, и пространство, и время. Он говорил, что никогда, ни за какие награды и деньги, не рискнул бы итти один по таким недоступным местам.

Эта поездка Роборовского ознаменовалась ещё одним новым открытием. Первым из европейцев Роборовский увидел громадную синюю поверхность озера Хара-нор.

Подробные исследования Роборовского показали, что горная система Нань-шаня состоит из многих самостоятельных цепей.

Роборовский в пути заболел ангиной. Эта болезнь подточила его силы. В последнюю большую свою поездку он был настолько слаб, что не мог садиться на лошадь без посторонней помощи. Всё же и в эту поездку им были пройдены еще 500 километров с глазомерной съёмкой и пополнены естественно-исторические коллекции. Железная воля и беззаветная преданность науке побеждали все.

В походах по Нань-шаню прошло лето.

С наступлением осени путешественники покинули Нань-шань и опустились в Курлык, где должны были

подготовиться к последнему этапу путешествия через верховья Желтой реки, в Сычуань — одну из юго-западных провинций Китая.

В начале декабря, оставив в Курлыке часть экспедиционного имущества, а остальное навьючив на яков — этих прирожденных обитателей гор, двинулись к хребту Амнэ-мачин.

Наступал новый 1895 год. Его пришлось встречать с ружьями наготове, так как путешественники были предупреждены о готовящемся на них нападении тангутов. Тангуты не имели основания ненавидеть русских путешественников, они совершенно не знали их, но это воинственное тибетское племя видело врага в каждом чужеземце. Кочевавшие со своими стадами монголы сами часто страдали от них и не раз с разрешения Роборовского разбивали свой бивуак под защитой каравана.

Итак новогоднюю ночь Роборовский и его товарищи просидели, ожидая непрошенных гостей. Они видели, как те несколько раз подбирались к бивуаку, но, заметив, что в лагере не спят, отходили. Открыто напасть они не решились, и тревожная ночь на этот раз кончилась благополучно.

Чем дальше продвигались путешественники, тем тяжелее становились переходы по неприступным горам, среди снега и льда, при морозах в 30—35°, при разреженном воздухе...

Как только достигали новых неизведанных мест, все страдания забывались и чувство восторга охватывало путешественников. П. К. Козлов вспоминал, например, как он и Роборовский любовались с высоты горного перевала «чарующими снеговыми вершинами хребта «Седой дедушка» — Амнэ-мачин, многочисленными ущельями, вверху скованными ледниками, а внизу наполненными шумом водных каскадов, обрамленных густой растительностью, под сенью которых скрывались интересные звери и птицы» [41]. Много таких прекрасных местностей посетили путешественники, не менее интересные места ожидали их впереди. Но неожиданно путь экспедиции прервался. Подкралось несчастье, предотвратить которое не в силах был никто. Это произошло 9 февраля 1895 года.

Стояла полночь. Уныло, монотонно завывала буря. Её привычные звуки убаюкивали путешественников, точно колыбельная песня. Под неё ещё крепче спалось усталым за день, измученным людям. Спал и Роборовский. Вдруг он проснулся от страшной боли и шума в голове. Хотел окликнуть Козлова или Ладыгина, но язык не повиновался; хотел двинуть правой рукой, но она не действовала.— Паралич!—мелькнула страшная мысль. Всеволод Иванович напряг все силы. Из горла вырвался сдавленный крик. Козлов услышал и быстро вскочил на ноги. Он разбудил Ладыгина. Тот принялся усердно растирать парализованную часть тела своего начальника и друга. Козлов поспешил положить на голову лед. Роборовский то терял сознание, то снова приходил в себя. Самым ужасным для него была не болезнь, а сознание невозможности выполнить заветную мечту—пройти в Сычуань. Он гнал эту мысль, но она назойливо лезла и лезла в голову и «вызывала молчаливые слезы... Помириться с этой мыслью мне казалось невозможным»[42],—писал впоследствии Роборовский.

Дальнейший путь продолжать было нельзя; больного начальника нужно было везти на родину.

Утром 17 февраля с давящим гнетом разбитых надежд двинулись в обратный путь.

«Никогда не забуду,—вспоминал Козлов,—особенно тяжелого дня, когда караван экспедиции змеёй извивался по кручам, каменным карнизам, висячим балконам, поднимаясь всё выше и выше, а глубоко внизу, следуя за капризным течением обледенелой речки, с уступа на уступ, с посохом в руке, едва тащился больной товарищ, поддерживаемый сильными руками гренадер»[43]. Роборовский по своей скромности и деликатности не хотел затруднять товарищей и, перемогая себя, старался большей частью двигаться сам. Он падал, больно ушибался, но потом, как он говорил, «приспособился к падениям». Он старался падать на нечувствительную, парализованную часть тела. Даже здесь он боролся и находил выход.

Всё же первый месяц пути был особенно тяжел. Каждый час можно было ожидать нападения тангутов.

Роборовский имел среди тангутов, как и среди монголов, не мало друзей. Знакомые тангуты, расположенные

к Роборовскому и Козлову их дружеским отношением, предупреждали, чтобы они соблюдали осторожность. В этих местах нередко совершались нападения на проходившие караваны и грабежи их.

Располагаясь на бивуаках, путешественники спали не раздеваясь, каждый с заряжённой винтовкой возле себя и запасом патронов. Но нападение произошло тогда, когда его меньше всего ожидали,—днем. Это было 13 февраля. Вдруг раздались выстрелы. Пуля пробила палатку и пролетела возле Роборовского. Моментально все схватили винтовки и бросились в атаку на врагов, засевших в ложбине. Только Роборовский, как больной, и с ним один казак остались на бивуаке. Но и они не бездействовали. Роборовский не только направлял выстрелы казака, но и сам, несмотря на свою слабость, стрелял, оперев берданку об ящик и сидя возле него на земле. Больше двух часов продолжался бой, и наконец 200 человек тангутов бежали от горсточки путешественников. Роборовский говорил, что на стороне русских была не только сила оружия, но и сила духа. Эту силу питала любовь к родине.

Обратный путь экспедиции шёл по тому же маршруту, лишь с некоторыми отклонениями.

В Курлыке начиналась весна. В апреле было +25°С в тени и до 51° на поверхности глинистой почвы, но почки на растениях не раскрывались. Первые зеленые побеги появились лишь в мае и то с риском погибнуть от ночного мороза. Кусты стояли голые. Сухие ветры несли мелкую пыль, поднимая её высоко в воздух и заволакивая небо. На фоне этого мутного, пыльного неба, расправив могучие крылья, парили грифы и орлы-бородачи.

Двухмесячная стоянка в Курлыке значительно поправила здоровье Роборовского. После этого он смог «правда, с периодическими остановками,—как писал Козлов,—перевалить Нань-шань и через Сачжоу—Хамийскую пустыню обратно прибыть в Люкчун... Последняя же продолжительная остановка на складе экспедиции подкрепила силы Роборовского настолько, что он согласился расстаться со мной, чтобы последний период путешествия прошел так же успешно, как и предыдущие, чтобы, верные своему принципу двигаться врозь, в целях охватывать большее пространство, мы и заключительную часть тридцати-

месячного заграничного странствования пошли разными путями»[44].

В Люкчуне, где экспедиция сделала продолжительную остановку, Роборовский встретился с Шестаковым, два года тому назад оставленным на Люкчунской метеорологической станции.

Из рассказов Шестакова Роборовский узнал, что к нему заезжал на обратном пути своего путешествия геолог, ныне академик, Владимир Афанасьевич Обручев, которому Шестаков был необычайно рад. Об Обручеве Роборовский пишет в своих книгах с глубоким уважением, как об учёном, положившем «не мало сил и трудов для изучения геологии Азии»[45]. Работы Шестакова на метеорологической станции Роборовский нашел весьма успешными.

Наблюдения, проводившиеся на метеорологической станции, дали чрезвычайно ценный материал для географической характеристики Турфанской котловины. Эта обширная впадина, открытая еще экспедицией Грумм-Гржимайло, вызвала большой интерес среди географов, так как абсолютная высота ее оказалась ниже уровня океана. В пределах этой котловины находятся оазисы городов Люкчуна, Турфана и Токсуна.

Двухлетние наблюдения метеорологической станции, основанной Роборовским, дали возможность установить, что абсолютная высота впадины к югу от оазиса Люкчун достигает—17 м (т. е. 17 м ниже уровня океана). Самая же глубокая часть впадины согласно исследованиям Роборовского оказалась на 130 м ниже уровня океана.

Такое низкое положение впадины значительно влияет на ее климат. Летние температуры здесь столь же высоки как в пустыне Сахаре, и доходят до 44—48° в тени и до 64 на солнце. Зимой морозы достигают до — 21°, а средняя температура в декабре и январе колеблется от — 9 до — 11°. Сухость воздуха очень велика. Дожди за весь 1894 год выпадали всего 22 раза.

Значение наблюдений метеорологической станции, основанной Роборовским, состояло в том, что была точно определена абсолютная высота Турфанской впадины и собраны данные для характеристики ее климатических условий.

Из Люкчуна Роборовский совершал разъезды в окрестности. Он обнаружил здесь много старинных курганов-

могильников, сложенных из камней и крупной гальки, посетил развалины двух древних калмыцких городов.

В Люкчуне Роборовский и Козлов расстались, и каждый пошел своим путём к границам родины.

В городе Урумчи Роборовский сделал остановку. Там он посетил русского консула, первого русского человека после более чем двухлетнего перерыва. «Трудно описать радость встречи с дорогими соотечественниками в глубине Азии,—писал Роборовский.—Это был для нас торжественный день» [46].

Впереди снова расстилались пески, покрытые кустиками саксаула и лишь изредка—солянок и чернобыльников*. Потом путь преградили горы, но уже последние перед русской границей. Горы эти, можно сказать, брали приступом, не обращая внимания даже на снежный буран, до того велико было у всех желание поскорее ступить на родную землю. Наконец, когда буран утих и выглянуло солнце, «мы увидели,—пишет Роборовский,—расстилавшуюся к северу Чиликтинскую долину и за нею хребет Манрак, заслоняющий собою Зайсанский пост, ныне город Зайсанск, первый населённый русскими людьми пункт на нашем пути возвращения на родину, о котором уже более месяца говорили между собою люди отряда, с нетерпением стремившиеся скорее ступить на родную землю»[47].

На перевале у большой кучи камней, обозначающей границу России с Китаем, путешественники по-военному «выстроились... и тремя залпами из берданок послали свой первый привет дорогой отчизне, в пределы которой с волнением вступали... Потом обратились в сторону Китая, послали и ему три прощальных залпа. Мы,—пишет Роборовский,—прощались с жизнью, полной всяких тревожений и опасностей, но близкой к природе, вольной и свободной...»[48]. Роборовский с волнением прощался со своими спутниками — скромными, самоотверженными участниками экспедиции.

Когда в декабре 1895 года пришло время расставания, Роборовский писал: «Мы с грустью провожали своих товарищей—солдат и казаков—к их служебным частям и, быть

---

* Чернобыльник—вид полыни. Название дано по красновато-бурой окраске стебля.

может, чтобы не встретиться со многими никогда более! Не легко было следить за уносившимися тройками, увозившими от нас людей, с которыми почти в течение трех лет мы делили все труды, лишения и все радости нашей счастливой страннической жизни, направляемой всеми единодушно для одной общей задачи—выполнения цели экспедиции» [49].

И цель эта была с честью выполнена.

Роборовский исследовал плато Большого Юлдуса (в системе Тянь-шаня), Турфанскую котловину, Хамийскую пустыню, хребет Нань-шань, верховья Желтой реки и хребет Амнэ-мачин. В течение тридцати месяцев он проделал огромный маршрут, бо́льшая часть которого пролегала по местам, где ещё никогда не бывал европеец-исследователь. Одной только топографической съемкой Роборовский охватил почти 18 тысяч километров пути!

Роборовский дал большой метеорологический материал, ценные результаты многих барометрических и магнитных наблюдений.

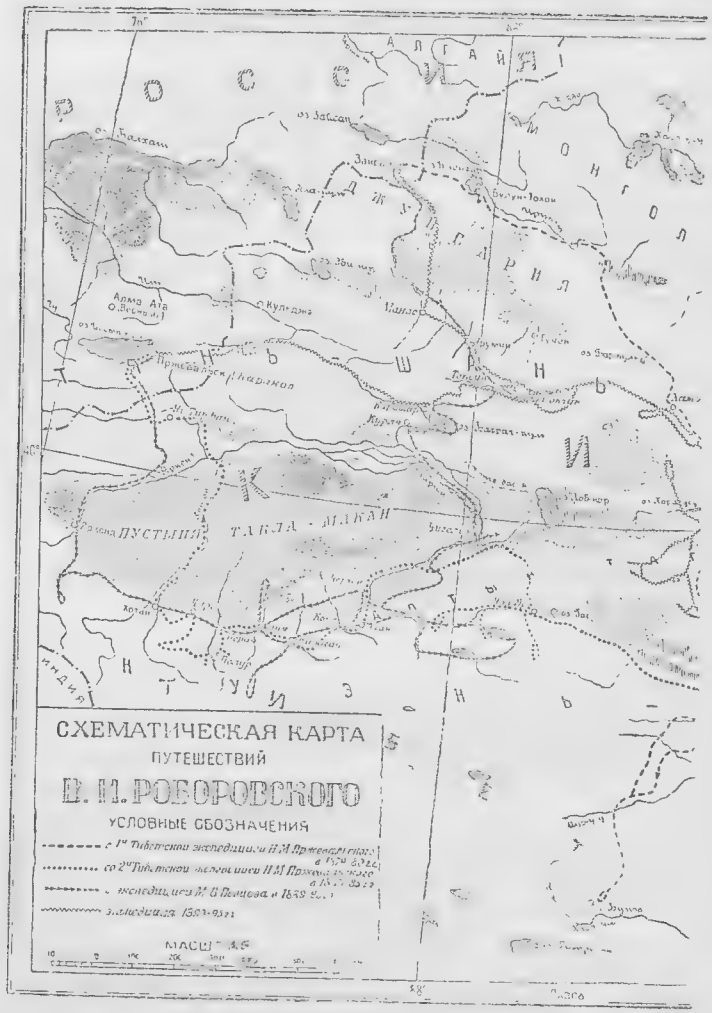
Путешествие Роборовского, так же как и путешествия Пржевальского, было комплексным. Роборовский вывез из Центральной Азии огромные коллекции животных, птиц, насекомых, растений, горных пород; кроме того образцы старинного письма, монет, книг, рисунков, гончарных изделий, украшений, добытых из развалин древних городов Турфанской котловины.

Привезённые им свитки уйгурских* рукописей настолько заинтересовали Академию наук, что для детального исследования была отправлена на место партия специалистов.

За свою научную и экспедиционную деятельность Роборовский получил высшую награду Русского Географического общества—Константиновскую медаль и серебряную медаль имени Пржевальского.

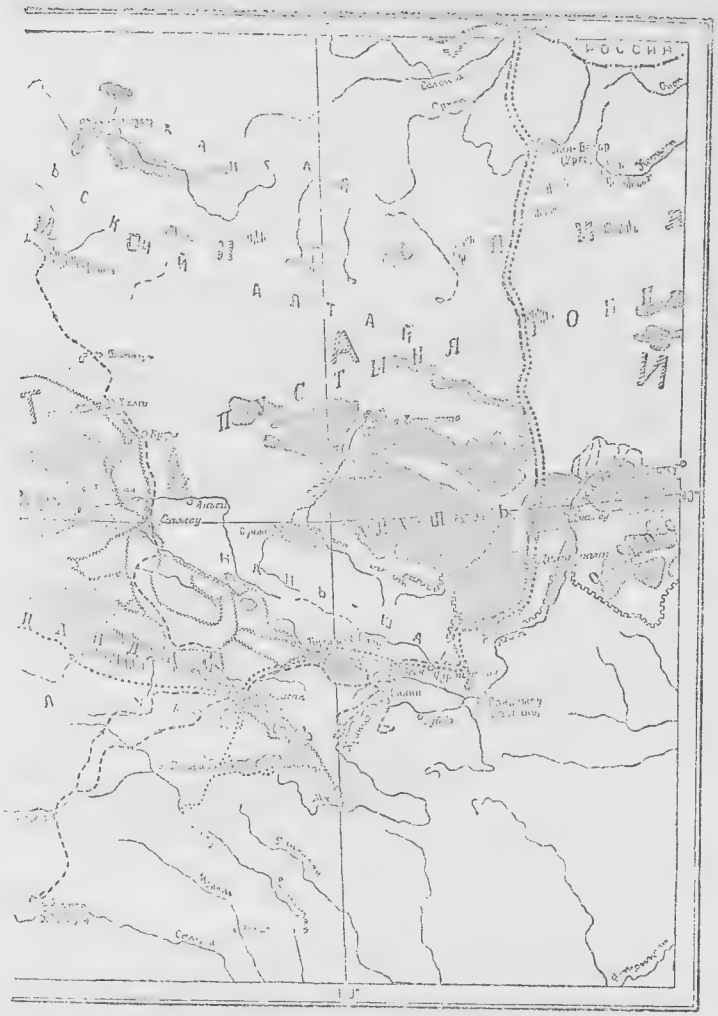
«Он прошел по тернистому пути живой географической науки,—пишет Козлов,—и приблизился к славному венку Пржевальского. Свежий лепесток этого венка, серебряная

* Древние уйгуры—народ тюркской группы—имели в Центральной Азии собственное государство в VIII—IX веках нашей эры.



медаль имени учителя, вызвала слёзы умиления на благородном лице ученика»[50].

Роборовский действительно оказался достойным учеником. Так же, как и Пржевальский, он всей душой был предан делу путешествий. Будучи больным, он отдал этому



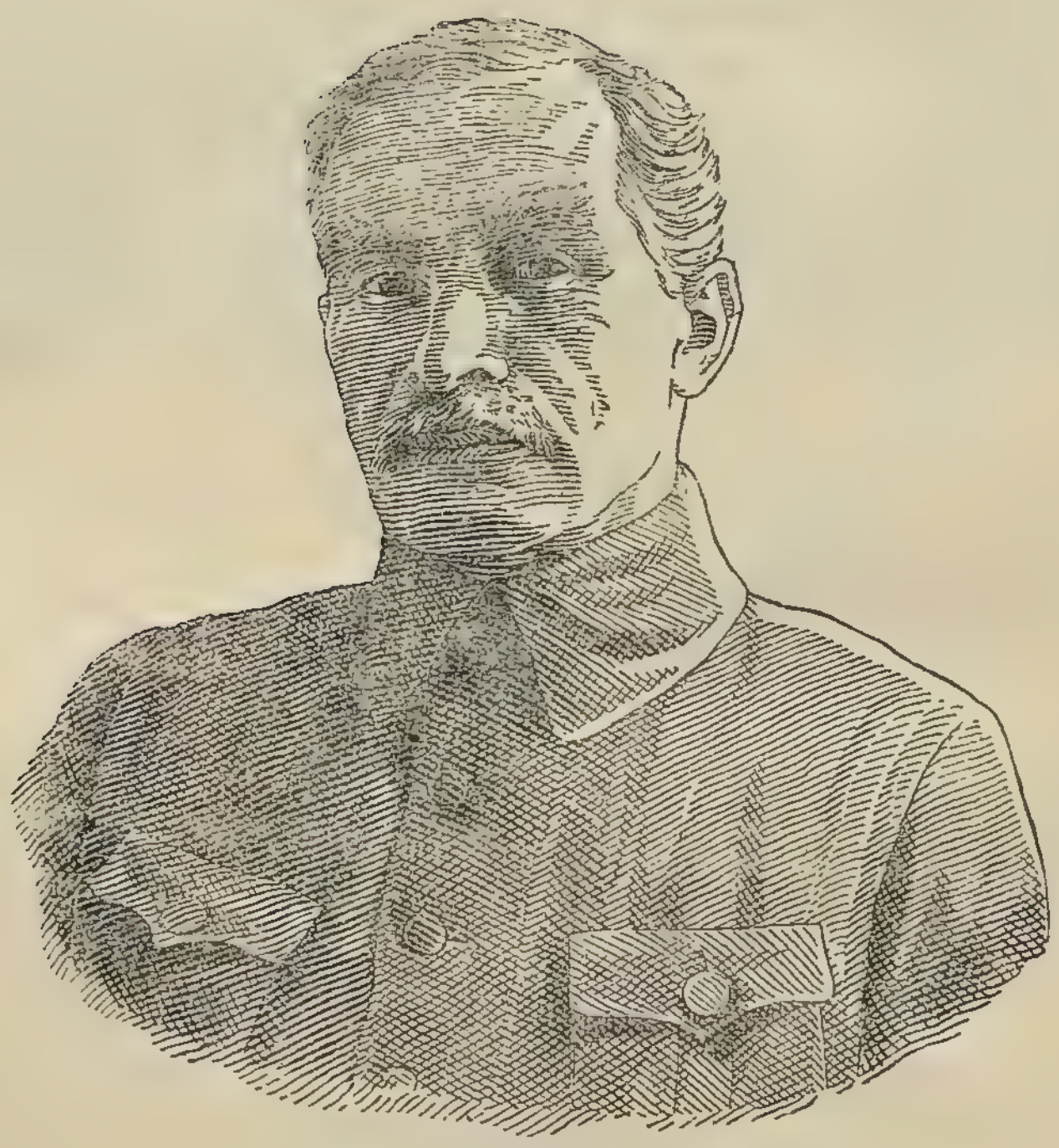
любимому делу весь остаток сил, настойчиво работая над отчётом своей экспедиции. Литературно обработанный им огромный материал составил три тома в 610 страниц.

Писал он свой труд, живя в деревне, в небольшом имении «Тараки» Тверской губернии. Там, в кругу родной

семьи, он провел последние годы жизни. Эти «годы сплошного страдания души и тела больной переносил с обычной стойкостью и мужеством... Его любовь к природе, к человеку, его редкий по своей скромности характер внушали к нему уважение и искреннюю любовь не только его родственников, не только близко его знавших и приходивших с ним в общение людей, но и крестьян»[51]. Так писал о нем спутник трех его путешествий Козлов.

Среди любимых и любящих людей, среди близкой сердцу родной русской природы, он окончил свой жизненный путь. 3 августа 1910 года в возрасте 54 лет Роборовский умер.

Память о нем, как об известном исследователе Центральной Азии, навсегда сохранится среди нашего народа.



П. К. Ковлов (1863—1935)

П. К. КОЗЛОВ

День кончался. Жаркое летнее солнце уже спряталось за темной зубчатой полосой леса, и в небе стали загораться первые звезды.

19-летний Пётр Козлов сидел на крыльце избы, смотрел на далекие звезды и думал...

Он думал о своем одиночестве, о бедности, которая заставила его уехать от родной семьи сюда, в местечко Слободу (Смоленской губернии) ради куска хлеба. Он жалел о том, что по окончании четырех классов начальной школы ему не удалось учиться дальше. А к учёбе его постоянно тянуло: книги были его лучшими друзьями. Особенно он увлекался рассказами о путешествиях.

В то время (в восьмидесятых годах прошлого столетия) русский путешественник Пржевальский имел уже мировую славу. Газеты и журналы были полны статьями о нем.

Козлов жадно перечитывал их, всматривался в портреты Пржевальского, и образ великого путешественника казался ему как будто давно знакомым, близким и родным.

В часы отдыха Козлов любил мысленно путешествовать. И сейчас, в этот летний вечер, глядя в бесконечную даль темнеющего неба, он представлял себе просторы Центральной Азии, её пустыни, леса и горы, так прекрасно описанные Пржевальским...

Задумавшись, Козлов не заметил, как к нему кто-то подошел. Случайно оглянувшись, Козлов застыл от удивления и счастья: перед ним стоял сам Пржевальский. Первый раз в жизни Козлов увидел его, но сразу узнал по могучей фигуре и знакомым по портретам чертам.

Пржевальский, уроженец той же Смоленской губернии, приехал в Слободу покупать облюбованный им тихий

уголок, чтобы спокойно писать здесь свои книги. В это время он совершал вечернюю прогулку.

— О чем вы так глубоко задумались, что даже не слышали, как я подошел к вам? — спросил Пржевальский.

Несколько секунд Козлов не мог говорить. Наконец, едва сдерживая волнение, он ответил, с трудом находя слова:

— Я думал о том, что в далеком Тибете эти звезды должны казаться ещё ярче чем здесь, а мне никогда, никогда не придется любоваться ими с тех далеких пустынных высот...

Пржевальский помолчал немного и потом тихо сказал:

— Так вот о чем вы думаете, юноша. Зайдите ко мне. Я хочу поговорить с вами.

Эта встреча решила будущую жизнь Козлова.

« Тот день я никогда, никогда не забуду, — вспоминал Козлов, — тот день для меня из знаменательных знаменательный»[52].

Пржевальский сразу почувствовал в Козлове задатки путешественника. Он полюбил юношу, принял в нём большое участие и взял его к себе. Козлову казалось, что он переживает сказочный сон.

Ещё до встречи с Пржевальским Козлов в свободное от работы время учился. Он совершенно самостоятельно проходил большой и трудный курс средней школы. Это было не легко. Под руководством Пржевальского занятия пошли много легче и успешнее.

Через несколько месяцев Козлов уже сдал экзамен за полный курс реального училища. После этого поступил на военную службу только для того, чтобы иметь возможность отправиться в путешествие, так как не военных Пржевальский в экспедиции не брал.

В 1883 году Козлов был зачислен в члены четвертой экспедиции Пржевальского и отправился с ним впервые в Центральную Азию. Было тогда Козлову двадцать лет. С этого времени он стал энтузиастом-путешественником.

Сильное, на всю жизнь незабываемое впечатление произвели на Козлова красоты величественной природы Азии. Вспоминая впоследствии часы, проведённые вместе с Пржевальским на берегу реки Тэтунг, Козлов

признавался, что именно здесь впервые в нем проснулось сознательное чувство путешественника, появилось властное влечение к красотам дикой природы.

Он писал: «Красавец Тэтунг — то грозный и величественный, то тихий и ровный — часами удерживал на своем берегу Пржевальского и меня... Любуясь Тэтунгом, его прозрачными стремительными волнами, прислушиваясь к голосам ушастых фазанов и мелодичному пению всевозможных синиц и завирушек..., никогда и нигде мы не были так высоко счастливы, так чисты сердцем, так восприимчивы ко всему прекрасному, святому, как только в таких очаровательных местах, среди лесов и гор, среди диких рек и речонок, среди живой девственной природы»[53].

Но не всегда была возможность любоваться красотами природы. Путешествуя с Пржевальским, Козлов проходил суровую школу борьбы. Двадцати одного года он участвовал в сражении с тангутским племенем нголоков, напавшим на экспедицию Пржевальского.

Видя преданность делу и храбрость своего воспитанника, Пржевальский привязывался к нему всё сильнее. А Козлов любил Пржевальского как родного отца. Можно понять, каким горем была для него смерть Пржевальского. «Мне казалось, что такое горе пережить нельзя... Да оно и теперь еще не пережито»[54], — писал Козлов спустя 25 лет.

Второе свое путешествие по Центральной Азии Козлов совершил под начальством учёного и путешественника Певцова. С ним он посетил северную часть Тибетского нагорья, Восточный Туркестан и Джунгарию.

Часто Козлов совершал экскурсии в стороне от основного пути каравана, проводя научные наблюдения и пополняя зоологические коллекции, забота о которых в экспедиции лежала на нем.

Путешествие с Певцовым дало Козлову богатый опыт и ещё больше закалило в борьбе с суровой природой.

Возвратившись из путешествия с Певцовым в 1896 году, Козлов выпустил свои первые печатные работы о местностях, им лично исследованных: «Вверх по реке Кончадарье» и «По берегу озера Баграш-куль».

В третьем путешествии, во главе с Роборовским, Козлову была также предоставлена значительная самостоятельность. Он один совершал далекие поездки.

Во время одной из таких поездок в горах Тянь-шаня на плоскогорье Юлдуса Петр Кузьмич с проводником-монголом стал взбираться к вершине ледника. Чем выше поднимались они, тем воздух становился более разреженным, и дышать было всё труднее и труднее. Наконец, обессиленный проводник отказался итти вперед. Козлов пошел один. То проваливаясь в рыхлый снег, то карабкаясь по льду, он с трудом достиг вершины ледника.

Обратный путь был ещё ужаснее. Таявший снег полз под ногами. Козлов падал, хватался за льдины, обрывался и снова падал, скатываясь вниз, навстречу черной пропасти. Был момент, когда Козлов чуть не погиб. От одного неправильного шага он потерял равновесие и с ужасной быстротой покатился по льду. Он летел несколько метров. Зияющая бездна лежала перед ним. Дна её он не видел, так она была глубока. Сердце Козлова сжалось, по телу пробежала дрожь. Он напрасно цеплялся руками за скользкий лед. Только камень на пути, который крепко сидел во льду, спас его. Ухватившись за него, Козлов задержался. Потом он долго шатал камень, с трудом вытащил и стал вырубать им ступени во льду. По этим ступеням он осторожно спустился вниз. Проводник, видевший, как Петр Кузьмич летел в бездну, встретил его со слезами радости. Он не ожидал, что Козлов останется жив.

Для того, чтобы охватить исследованиями более обширное пространство, Роборовский и Козлов в большинстве случаев шли различными путями, назначая места встреч.

Поездка Козлова к озеру Лоб-нор и оттуда к оазису Сачжоу, продолжавшаяся два с половиной месяца, дала богатый материал. Из пройденных 1 900 километров было заснято глазомерной съёмкой 1 650, собраны зоологические, ботанические и даже геологические коллекции.

Как и в предыдущем путешествии, составление зоологических коллекций являлось делом Козлова. С ним он справлялся блестяще. По свидетельству Роборовского, почти все коллекции птиц и зверей в его экспедиции составлены Козловым.

Об экспедиции Роборовского Козлов написал книгу «Отчет помощника начальника экспедиции П.К.Козлова».

Четвертое путешествие Козлова было его первым самостоятельным. Проходило оно с 1899 по 1901 год.

Перейдя вблизи почтовой станции Алтайской монгольскую границу, путешественники двинулись на юго-восток по Монгольскому Алтаю. По тропам и карнизам над пропастями осторожно, гуськом продвигался караван. Испуганные красавцы аргали (горные бараны), взметнув огромными закрученными рогами, ловко, как акробаты, перескакивали со скалы на скалу и сразу скрывались.

В этой безлюдной местности лишь священные «обо»,— сооружения из камней с торчащими на них для украшения рогами и развевающимися по ветру цветными лоскутьями,—которые встречались на перевалах, напоминали о сложивших их людях.

В долинах у озёр была иная картина. Серыми пятнами на фоне пожелтевшей зелени трав выступали монгольские юрты. Из них навстречу путешественникам выбегали монголки, предлагая молоко и кумыс. В таких местах экспедиция нередко устраивала стоянку.

Во время одной остановки у озёра Хара-усу путешественники увидели на воде огромное количество птиц — гусей, уток, лебедей, бакланов, пеликанов, которые в этих местах не боялись людей. Монголы не ели птичьего мяса и поэтому не трогали пернатых соседей. Только выстрел с лодки, спущенной на озеро русскими, заставил их взвиться целой тучей.

На Хара-усу Козлов намного увеличил коллекции птиц.

Трудным, но зато очень ценным для науки был переход экспедиции через пустыню Гоби. Желая исследовать новую, ещё неизвестную её часть, Козлов пошел не тем путем, которым уже следовал Пржевальский.

Избранный Козловым маршрут во внутренней Гоби проходил по суровым, бесплодным местам.

Украдкой пробежит какой-нибудь зверек из мелких грызунов, всегдашних обитателей Гоби, испуганно вскочит и стрелой пронесется до ближайшей заросли саксаула заяц, покажется вдали лисица—вот почти и все животные,

которых видели здесь путешественники. Даже антилопы не встречались по целым неделям.

«Теперь с понятным для путешественника чувством радости приходится глядеть на эти пути экспедиции, снявшие таинственный покров, из-под которого вышли наружу и горы, и горки, и окаймляющие их пониженные долины с урочищами, родниками, колодцами, обозначающими кратчайшие, издавна здесь существующие, но до нашего по ним прохода совершенно неизвестные географам дороги...»[55],—так писал о своем переходе через Гоби Козлов.

Все дальше и дальше на юг продвигалась экспедиция. Уже остались позади пески Ала-шаня и чарующие своей богатой природой горы Ганьсу.

Произведя научные наблюдения на Куку-норе, экспедиция вступила в преддверье Тибета — Цайдам. Заканчился первый год путешествия. Приближалась наиболее интересная часть пути.

В Цайдаме путешественники сменили верблюдов на яков и хайныков*. Незаменимые в пустыне, верблюды были мало пригодны для дальнейшего путешествия в горах и высоких плоскогорьях Тибета.

В конце мая 1900 года снаряжение было закончено. Наступил самый главный этап путешествия.

Когда караван экспедиции поднялся на перевал хребта Бурхан -Будда, ограничивающего с юга Цайдам, перед путешественниками открылась величественная картина. «Со стороны Цайдама, окутанного серо-желтой пыльной дымкой, дул резкий, пронизывающий ветер... Слоисто-кучевые облака, сбиваясь у главных вершин, образовывали свинцовые мрачные тучи, которые по временам разражались снежной крупою. Вид на Тибетское нагорье представлялся крайне суровый: над общим темножелтым сонмом горных увалов, словно вата, висели слоистые облака»[56].

Начался путь экспедиции по восточной части Тибетского нагорья. Здесь приходилось быть постоянно настороже. Кочевые племена недоверчиво относились к чужеземцам. Подобно своему учителю Пржевальскому и дру-

* Хайнык—помесь быка-яка с обыкновенной коровой

гим выдающимся русским путешественникам по Центральной Азии, Козлов стремился завоевать доверие местных жителей и разъяснить им научные цели своей экспедиции. Козлов всячески старался избежать столкновений. К тибетскому народу он относился с уважением, в общении с ним соблюдал его обычаи — гостеприимства, обмена подарками.

У Козлова нередко завязывались с тибетцами дружеские отношения.

Самое приятное воспоминание осталось у Козлова о пребывании в тибетском хошуне* Намцо, расположенном в северной части Тибетского нагорья.

Начальник хошуна Пурзек, 70-летний старик, его сыновья и вся многочисленная семья окружили Козлова и его спутников необычайным вниманием. Под бивуак экспедиции было отведено лучшее место с прекрасным пастбищем. По просьбе Петра Кузьмича Пурзек устроил смотр своему войску, продемонстрировал искусную джигитовку. Начальник хошуна и его семья часто бывали в лагере экспедиции. Но не только они, а и все население. Приходили пожилые мужчины и женщины, принарядившиеся девушки — смуглые, улыбающиеся. Прибегали дети, с любопытством рассматривавшие путешественников своими живыми черными глазёнками. Казаки экспедиции гостеприимно встречали гостей, развлекали игрой на гармонии, залихватски плясали русскую. Тибетцы были в восторге. Желая показать и свое умение, они пели национальные песни.

Когда члены экспедиции покидали хошун, Пурзек дал им опытных проводников и снабдил письмами к своим друзьям — старшинам других хошунов.

Пурзек пользовался влиянием далеко за пределами своего хошуна, и поэтому его письма для Козлова были очень ценны. Они могли облегчить дальнейший путь.

Путешествие П.К.Козлова в Восточном Тибете (Каме) ознаменовалось значительными новыми открытиями. Своей экспедицией Козлов продолжил дело, начатое великим Пржевальским.

---

* Хошун—административная единица.

Пржевальский познакомил науку с высоким холодным плато Северного Тибета. Козлов пересек северную часть Тибетского нагорья и, проникнув к верховьям Меконга, одной из самых больших рек Южной Азии, достиг совершенно иной по своему характеру восточной его части.

Вместо сурового северного плато с его характерной травянистой растительностью, дикими яками и антилопами, он встретил здесь скалистые цепи гор, поднимающиеся к голубой выси неба, и лабиринт ущелий со стремительно бегущими по ним ручьями и речками. В этой почти неисследованной стране на каждом шагу встречались ещё неизвестные науке звери и птицы.

С восторгом страстного натуралиста Козлов всматривался в открывшийся ему новый мир. Вот как описывал он его в книге о своем путешествии: «В замечательно красивую, дивную гармонию сливаются картины диких скал, по которым там и сям лепятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельник, пва; к берегам рек сбегают дикий абрикос, яблони, красная и белая рябина; всё это перемешано массою разнообразнейших кустарников и высокими травами. В альпах манят к себе голубые, синие, розовые, сиреневые ковры цветов...» [57].

В глубоких ущельях можно было встретить красивого пестрого барса, рысей, медведей и даже обезьян. Обезьяны здесь не боялись близкого соседства человека. На глазах удивленных путешественников они ловко прыгали по деревьям и с неменьшим проворством цеплялись по скалам. Ещё более богатым и разнообразным было пернатое царство. Козлов вносил в свой дневник красочные, яркие впечатления.

«В ясную, теплую погоду в красивых уголках бассейна Меконга натуралист или вообще отзывчивый к природе человек одновременно услаждает и взор и слух. Свободно и гордо расхаживающие по лужайкам стаи фазанов, или плавно, без взмаха крыльев, кружащиеся в лазури неба грифы и орлы невольно приковывают глаза; пение мелких пташек, раздающееся на чаще кустарников, ласкает ухо»[58].

Приобретение зоологических экспонатов являлось одним из главных дел экспедиции. Среди собранных Коз-

ловым коллекций одних только птиц оказалось 8 новых видов и даже новый род.

В одном из селений местный житель подарил Козлову ручную камскую обезьянку, которая скоро стала общей любимицей. Её назвали Мандрил. Мандрил тоже привязался ко всем членам экспедиции. Когда Козлов, боясь, что обезьяна не выдержит пути в холодное время года, отдал её одному тибетцу, Мандрил сбежал от него и догнал экспедицию. Увидев своих прежних хозяев, Мандрил выражал такую радость, что путешественники решили с ним не расставаться. Чтоб согреть зверька, казаки сшили ему шерстяной костюмчик: куртку с кушачком и колпак на голову. В таком виде он продолжал путешествовать с экспедицией. Козлов хотел привезти его в Россию. Но по пути из Кама зверек погиб.

Путешествие по Восточному Тибету продолжалось больше года. Козлов надеялся проникнуть в Лхасу — главный город Тибета. Но надежда не осуществилась. Из Лхасы пришло официальное распоряжение не пропускать экспедицию в глубь Тибета. Пришлось подчиниться. Исследовав Кам, экспедиция вернулась на родину.

Во время своего четвертого путешествия П.К.Козлов открыл ряд величайших гор, мощных хребтов и значительных рек. Один из самых величественных хребтов Восточного Тибета, открытый Козловым, был назван именем Русского Географического общества. Имя его, — говорил Козлов,— «справедливо напомнит каждому европейцу о деятельности нашего родного учреждения»[59].

Козлов дал подробное описание многочисленных физико-географических объектов маршрута — озёр, истоков величайшей реки Индокитая — Меконга, реки Ялун-цзян — притока самой значительной реки Китая Ян-цзы-цзяна и многих других.

Он описал не только природу, но и жизнь населения Восточного Тибета: быт кочевников, зимой раскидывающих свои черные шерстяные палатки на дне глубоких долин, а весной поднимающихся со стадами всё выше и выше в горы, до границы альпийских лугов; жизнь оседлых тибетцев, засевающих свои небольшие поля ячменём, а крохотные огороды репой; обычаи тибетцев, памятники тибетской культуры... Обо всем этом и о многом другом

было ярко и подробно рассказано в написанной им книге «Монголия и Кам».

Не только как отважный путешественник — продолжатель маршрутов Пржевальского, но и как замечательный многогранный научный исследователь, Козлов оказался достойным преемником своего великого учителя.

Четвертое путешествие создало Козлову мировую славу. Русским Географическим обществом ему была присуждена Константиновская золотая медаль.

Пятая экспедиция Козлова (1907—1909 годы) в Монголию и область Амдо (северо-восточный Тибет) знаменита археологическим открытием большой ценности:в пустыне Гоби Петр Кузьмич обнаружил развалины мертвого города Хара-хото.

Город этот 700 лет тому назад в результате войны был разрушен. Раньше здесь кипела жизнь: протекали реки, росли деревья. Теперь в совершенно высохших руслах рек валялись лишь сухие древесные стволы, засыпанные песком. Кое-где торчали жалкие кустики саксаула. На них покачивалась маленькая пустынная сойка, трещa свою незатейливую песню. Иногда ей вторили песчанка да пеккан-отшельник.

Развалины города находились почти совсем под песком. На городские стены, когда-то высокие, теперь во многих местах легко всходили даже верблюды.

Суеверные монголы боялись этих развалин и обходили их. Когда Козлов предложил отправиться с ним на раскопки и даже обещал за это большие деньги, никто не согласился. Козлов пошёл только с несколькими своими спутниками.

Впервые за много столетий была нарушена вечная тишина мертвого города. Застучали лопаты, кирки, топоры. Из-под развалин люди осторожно вытаскивали обломки посуды и другой домашней утвари, украшения, статуи, буддийские иконы, писанные на шелку, холсте и бумаге, и многие другие предметы. Работать было трудно. Солнце жгло нестерпимо, постоянные ветры засыпали песком глаза. Но на усталость никто не жаловался. Все радовались новым и новым находкам.

Самым ценным из добытого Козловым была огромная библиотека в две тысячи книг. Все они хорошо сохра-

нились благодаря сухому климату пустыни. Книги эти были на многих восточных языках. Один из них совершенно неизвестный. Неожиданно Козлов здесь же нашел словарь, с помощью которого эти книги удалось прочесть. Язык оказался древне-тангутским.

После открытия Хара-хото экспедиция прошла большой путь через пустыню Ала-шань, хребет Нань-шань и долину реки Тэтунг, красотами которой когда-то любовался Козлов вместе с Пржевальским. Оттуда Козлов прошел к озеру Куку-нор на мало известную территорию Амдо в излучине среднего течения Хуан-хэ. Был собран ценный географический материал и приобретены экспонаты растений и животных, среди которых оказалось не мало новых видов и даже родов.

В пределах Амдо, войдя во владения одного из тангутских князей — Лухомбо, Козлов, по обычаю тех мест, отправил князю подарки и сам поехал к нему в гости.

Князь произвел на Козлова неприятное впечатление. Это был крепкий, высокий старик со шрамами на голове, вид он имел прямо-таки разбойничий.

Принял он Козлова не плохо. Но когда Козлов уже возвратился к своим, вдруг к нему явился пьяный Лухомбо и стал настойчиво требовать, чтобы его угощали чистым спиртом.

С князем в его владениях ссориться было опасно. Пришлось поить его спиртом, который был драгоценностью и сберегался для хранения коллекций рыб, змей и прочего. Напившись, князь стал вымогать подарки. Он угрожал, что иначе не выпустит путешественников из своих владений.

Но как только князь получал, что хотел, так выдвигал новые требования. Князь соглашался дать проводников, но спрашивал за это огромные деньги и кроме того навязывал Козлову непременно пятнадцать человек вместо двух.

Дни проходили в переговорах, а ночи члены экспедиции проводили в тревоге. Спали не раздеваясь, оружие держали наготове.

В одну ночь утомлённые путешественники решили раздеться и отдохнуть поудобнее. Этой ночи — на 25 января 1909 года — они никогда не забудут.

Стояла непроглядная тьма. Кроме лая собак из ставки князя не доносилось никакого шума. Козлову не спалось, хотя было уже за полночь. Вдруг выстрел нарушил тишину. Послышался крик часового экспедиции: — Нападение! Вставайте!

Мигом все были на ногах. Выскочили раздетые, схватив только ружья. Часовой непрерывно стрелял по неприятельскому разъезду, который сразу стал удирать. В темноте слышался удаляющийся топот копыт.

Для Козлова ясно было, что этим дело не кончится. Путешественники оделись, выстроились в боевом порядке и действительно услышали снова конский топот. На этот раз на восемь человек русских мчалось не несколько всадников, а сотенный отряд тангутов.

Подпустив врагов поближе, путешественники открыли огонь. Неприятель не выдержал. Не доскакав какой-нибудь сотни метров, всадники круто повернули в сторону и скрылись.

После этого случая Лухомбо поспешил дать проводников, и экспедиция покинула владения разбойника—князя.

Не раз приходилось Козлову проявлять бесстрашие и бдительность. Однажды по дикой безлюдной местности шел караван экспедиции. Всё ценное имущество — коллекции, древности, добытые при раскопках— везли на нанятых для этого вьючных животных. Их хозяева шли погонщиками. Сопровождал экспедицию местный князь.

Вдруг в дороге он заявил, что дальше не желает итти, что он возвратится обратно и уведёт с собой нанятых верблюдов и лошадей.

Положение было тяжёлым. Всё, добытое с таким огромным трудом, могло погибнуть. Козлов пробовал уговаривать князя, предлагал надбавку погонщикам, но ничто не помогало. Ехать не хотели.

Тогда Козлов позвал князя к себе в палатку. Там он внезапно схватил его за ворот и, приставив револьвер к виску, потребовал немедленно выступать с погонщиками. Князь сразу притих и заявил, что он согласен вести караван.

Он довел экспедицию до назначенного места, а когда прощался, поднес Козлову в знак дружбы платок — так

называемый «хадак», и сказал, что уважает его за то, что он сумел заставить повиноваться себе, что приказание такого бесстрашного начальника приятно и исполнить.

Заставить себе повиноваться Козлов действительно умел. Он был прекрасным организатором, которому подчинялись и которого любили. Козлов тщательно выбирал своих спутников. «Я их выбирал более строго нежели выбирают невест»[60], писал он, рассказывая о подготовке к одной из своих экспедиций.

Люди шли с ним из одной экспедиции в другую. Так рядовой Иванов, ходивший ещё с Пржевальским, провел с Козловым все его путешествия, за исключением последнего, перед которым умер.

Козлов понимал, что только с крепко спаянным коллективом возможны те огромные и трудные походы, которые совершались по заранее разработанному и всегда обширному плану.

Накануне первой мировой войны Козлов готовился к новому путешествию в Центральную Азию. Но началась война, и экспедиция не была разрешена.

«До сего времени я не могу понять, каким доводом мотивировало мою задержку бывшее старое правительство»[61], — писал Козлов в 1920 году. Царские сановники не сочли нужным задумываться над тем, что к задержке не было никаких оснований.

После Великой Октябрьской социалистической революции вновь широко развернулась научная деятельность Козлова. В 1920 году вышла его книга «Тибет и далай-лама», в 1923 году впервые был опубликован классический труд Козлова — описание его путешествия 1907—1909 годов.

Советское правительство пошло навстречу желанию путешественника, утвердив представленный им через Географическое общество план новой эксцедиции.

План этой шестой экспедиции был не менее обширен чем предыдущие.

Конечной целью путешествия являлось посещение заветной Лхасы. Козлов имел все основания надеяться, что это ему удастся. Он был лично знаком с далай-ламой— духовным и светским властителем Тибета, почти недоступным для европейцев. Знакомство это произошло

следующим образом: в 1904 году Англия направила в Тибет «политическо-военную миссию», сопровождаемую трехтысячным вооруженным отрядом. Далай-лама бежал от этой «миссии». В течение четырёх лет он жил в Монголии и в Китае. В 1905 году по поручению русского правительства и Русского Географического общества Козлов был направлен в Ургу для знакомства с далай-ламой и установления дипломатических связей с ним. Вполне естественно, что это поручение было дано именно Козлову, пользовавшемуся популярностью и уважением среди монголов и тибетцев. Козлов пробыл в Урге около двух месяцев и почти ежедневно видался с далай-ламой. При прощании он получил от далай-ламы для Географического общества ценный подарок — коллекцию из предметов буддийского культа и личное приглашение приехать в Лхасу. Второй раз Козлов дружески встретился с далай-ламой через четыре года, возвращаясь с экспедицией из глубины Амдосского нагорья.

Поэтому как только далай-лама узнал, что Козлов в своей шестой экспедиции намеревается посетить Лхасу, он тотчас послал ему пропуск со специальным посланцем, которому для этого понадобилось совершить огромный путь через всю Центральную Азию.

Пропуск этот был очень оригинального вида. Шёлковая карточка, собственноручно надписанная далай-ламой, была разрезана в форме пилы на две половины. Одну её часть посланец привез Козлову, а другая осталась у стражи горных перевалов на подступах к Лхасе, для того, чтобы стража при въезде Козлова могла сложить её с первой половинкой и таким образом проверить действительность пропуска.

Итак, всё было подготовлено. Мечта Пржевальского и многих других русских путешественников изучить еще неисследованные части Тибета была близка к осуществлению.

Но из-за протеста Англии экспедиция в Тибет не попала.

Тогда Козлов отправился на северо-запад от столицы Монголии Улан-Батора (бывшей Урги) и примерно километрах в 130 к северу от неё в горах Ноин-ула нашел древние могильники. Их было 212. Оказалось, что это погребения гуннов более чем двухтысячелетней давности.

Открытие имело величайшую научную ценность. Интересно, что в могильниках прекрасно сохранились украшавшие их ковры и шёлковые ткани. Трудно было поверить, что они пролежали в земле тысячи лет. Объясняется это тем, что в некоторых местах Северной Монголии, так же как и во всей Восточной Сибири, почва глубоко никогда не оттаивает, на известной глубине находится слой вечной мерзлоты. Постоянный «природный холодильник» с одинаковой температурой удерживал предметы от разрушения. Козлов вывез отсюда много ценного: ковры, ткани, одежды, украшения из золота и других металлов.

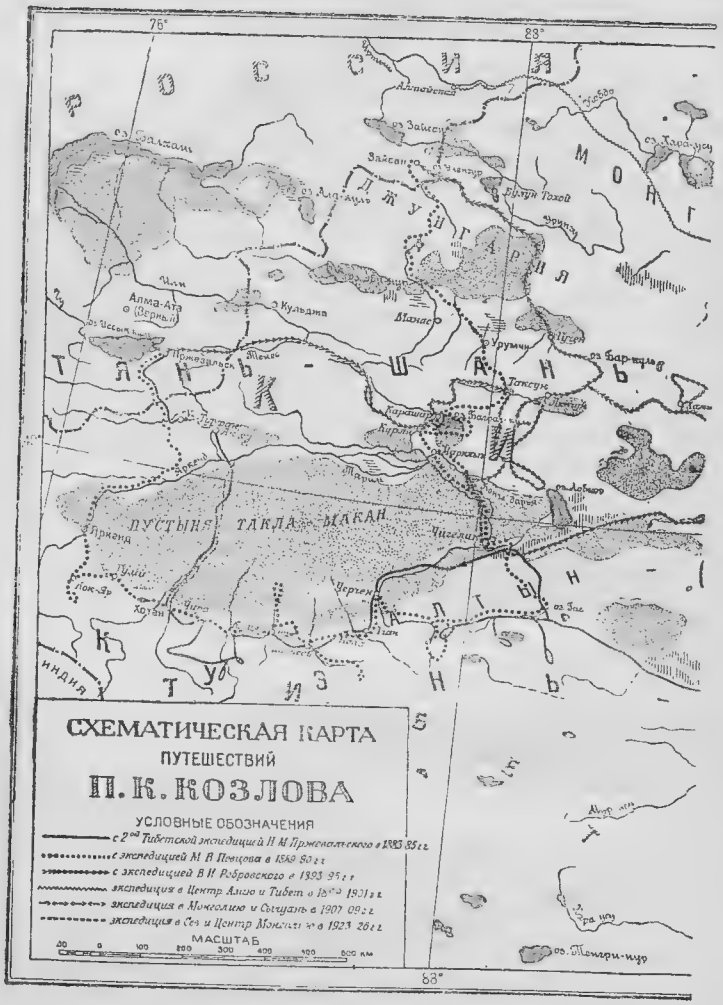
В шестой экспедиции, через восемнадцать лет после первого посещения, Козлов вторично побывал в Хара-хото.

Путешествуя по Монголии, экспедиция часто натыкалась на множество змей. Местные жители их боялись. Они приходили в ужас, когда путешественники ловили змей для коллекции. О Козлове, который мог брать в руки живую змею, они говорили, как о богатыре, заклинателе змей и бесстрашном человеке.

В долине реки Онгин-гол в степи стояла каменная баба. В отличие от другой, которую местные ламы объявляли доброй, эта считалась злой: называли её хараушхай. Её обходили, уверяя, что если притронуться к ней, то поднимется такая буря, какой свет не видал. Но Козлов не только притронулся, но упаковал эту «страшную» бабу и увез в Ленинград.

Шестая экспедиция продолжалась с 1923 по 1926 год. Научные результаты ее были столь же велики, как и результаты предыдущих экспедиций Козлова.

Помимо замечательного открытия и исследования древних курганов в горах Ноин-ула и ценных дополнительных раскопок в Хара-хото, экспедиция произвела значительные географические исследования Монголии. Эти исследования проводились по обычной для экспедиции Козлова широкой научной программе. Были составлены коллекции растений, птиц, млекопитающих, горных пород и другие. Производились метеорологические наблюдения. Велись этнографические исследования. Было сделано много новых открытий. В имени одного из них увековечена память



о шестой экспедиции. Могучему водопаду в верховьях реки Орхона было присвоено название «Водопад экспедиции Козлова».

По окончании Монгольской экспедиции Козлов получил персональную пенсию, но о жизни на покое и не думал. Бодрый, подвижной старик, он до самых последних дней лелеял мысль о новом путешествии.

Любя природу, Петр Кузьмич большую часть времени проводил в деревне Стречно, в пятидесяти километрах от Старой Руссы (Новгородской области). Сюда он приезжал с женой из Ленинграда и поселялся в маленьком бревенчатом домике в две комнаты.

Петр Кузьмич работал в саду, ходил на охоту и писал свои труды.

Перу Козлова принадлежит около шестидесяти произведений.

Временами Козлов по приглашению выезжал в разные города Советского Союза, где читал лекции о своих путешествиях. Многие и сейчас помнят, как умел он захватывающе и увлекательно говорить.

Петра Кузьмича всегда окружала любившая и жадно слушавшая его молодежь. Ей он уделял много времени и внимания, учил составлению коллекций, препарированию животных, охоте. Петр Кузьмич был со всеми одинаково прост, несмотря на то, что имел мировое имя. Он был почетным членом Лондонского, Нидерландского и Венгерского географических обществ. От Итальянского и Лондонского Козлов получил золотые медали, а от Парижской Академии — премию имени Чихачёва. Монгольский учёный комитет в 1924 году избрал Козлова своим почетным членом.

Русское Географическое общество наградило Козлова медалью имени Н. М. Пржевальского и избрало своим почетным членом, а Украинская Академия наук в 1928 году избрала его действительным членом.

Коллекции Козлова украшают в Ленинграде залы Зоологического музея Академии наук. В Эрмитаже хранятся величайшие археологические ценности Ноин-ула и Хара-хото. В библиотеке Востоковедения находятся сотни вывезенных Козловым тангутских рукописей и книг, тогда как в других странах Европы и Азии имеются их лишь единицы. В Институте антропологии, этнографии и археологии Академии наук собрано множество экспонатов, привезенных Козловым, рисующих хозяйство и быт народов Центральной Азии.

В истории географической науки имя Козлова стоит рядом с именем знаменитого Пржевальского. В количестве заснятых маршрутов пути и в более подробных этнографических характеристиках П. К. Козлов даже превзошел своего учителя. Козлов уделил много внимания археологическим раскопкам, которые дали ценности мирового значения.

Советская власть высоко ценит людей науки. Когда Козлов заболел склерозом сердца, он был помещен в прекрасный санаторий под Ленинградом, где его лечили

лучшие врачи. Но сердце человека, осилившего 40 000 километров пути по Центральной Азии, наконец сдало.

26 сентября 1935 года Козлов после вечерней прогулки уснул и больше не проснулся. Дожил он до 72 лет.

Козлов был самым инициативным учеником Пржевальского, продолжившим и развившим его исследования Центральной Азии.

Этот храбрый и волевой человек, энтузиаст и истинный патриот, отдал всю свою жизнь делу науки, делу славы своей Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Семенов П. П. Речь о Н. М. Пржевальском. Сборник «Памяти Николая Михайловича Пржевальского». Спб., 1889, стр. 17.

[2] Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Спб., 1890 г., стр. 51.

[3] Там же, стр. 96.

[4] Там же, стр. 118.

[5] Там же, стр. 119.

[6] Там же, стр. 125.

[7] Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в восточной нагорной Азии, т. I. Спб., 1875 г., стр. 156.

[8] Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, стр. 203.

[9] Пржевальский Н. М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана черезХами в Тибет и на верховья Желтой реки. Спб., 1883 г., стр. 3.

[10] Его же, Монголия и страна тангутов, т. 1, стр. 212.

[11] Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, стр. 161.

[12] Там же, стр. 162.

[13] Там же, стр. 193.

[14] Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-шань на Лоб-нор. Известия Русск. Географ. общ. Спб., 1877 г.

[15] Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, стр. 247.

[16] Пржевальский Н. М. Третье путешествие..., стр. 469.

[17] Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский, стр. 384.

[18] Пржевальский Н. М. Третье путешествие..., стр. 53.

[19] Там же, стр. 54.

[20] Там же, стр. 55—56

[21] Там же, стр. 84.

[22] Там же, стр. 208

[23] Там же.

[24] Там же, стр. 41—42

[25] Козлов П. К. В сердце Азии (Памяти Н. М. Пржевальского), 1914 г., стр. 16.

[26] Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима Спб., 1883 г. стр. 74—75.

[27] Там же, стр. 198.

[28] Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. стр. 418.

[29] Шокальский Ю. М. Н. М. Пржевальский и Географическое общество. Известия Всесоюзного Географ. общ., т. 72, вып. 4—5, 1940 г., стр. 644.

[30] Роборовский В. И. Воспоминания. Н. М. Пржевальский, изд. Русской старины, 1892 г., стр. 672.

[31] Там же, стр. 673.

[32] Там же, стр. 218.

[33] Там же, стр. 219.

[34] Там же, стр. 227.

[35] Роборовский В. И. Отчет начальника экспедиции. Труды экспедиции Русского Географического общества по Центральной Азии, совершенные в 1893—1895 годах под начальством В. И. Роборовского, ч. 1. Спб., 1900 г., стр. 17.

[36] Его же. Воспоминания. Н. М. Пржевальский, изд. Русской старины, 1892 г., стр. 222—223.

[37] Его же. Отчет начальника экспедиции, стр. 17.

[38] Там же, стр. 115.

[39] Там же, стр. 187.

[40] Там же, стр. 256—257.

[41] Козлов П. К. Памяти Роборовского. Известия Русск. Географ. общ., т. 46, 1910 г.

[42] Роборовский В. И. Отчет начальника экспедиции, стр. 386.

[43] Козлов П. К. Памяти Роборовского. Известия Русск. Географ. общ., т. 46, 1910 г.

[44] Там же.

[45] Роборовский В. И. Отчет начальника экспедиции, стр. 495.

[46] Там же, стр. 582.

[47] Там же, стр. 598

[48] Там же.

[49] Там же, стр. 601.

[50] Козлов П. К. Памяти Роборовского. Известия Русск Географ. общ., т. 46, 1910 г.

[51] Там же.

[52] Козлов П. К. В сердце Азии Памяти Н. М Пржевальского, стр. 16.

[53] Там же, стр. 18—20

[54] Там же, стр. 26.

[55] Козлов П. К. Монголия и Кам, т. 1, ч. 1. Спб., 1905 г., стр. 117.
[56] Козлов П. К. Монголия и Кам. т. 1. ч. II. Спб., 1906 г., стр. 308.
[57] Там же, стр. 259.
[58] Там же, стр. 260.
[59] Там же, стр. 367.
[60] Его же, Тибет и далай-лама, 1920 г., стр. 5
[61] Там же, стр. 4—5.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Н. М. Пржевальский	7
В. И. Роборовский	35
П. К. Козлов	55
Примечания	75

Редактор *Б. В. Юсов*
Редактор карт. *А. М. Юленев*
Худ. редактор *А. М. Иванов*
Техн. редактор *К. В. Крыночкина*

Сдано в набор 17/VI 1946 г.
Подп. к печ. 24/VII 1946 г.
Печ. л. 5. Уч.-изд. л. 3,5.
Тираж 50 000 экз. А-09923.

16-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР, Москва, Трехпрудный пер., 9. Зак. 831